

Анатолий Шигапов

Духи Ангкора

Анатолий Шигапов

Духи Ангкора

<https://litres.ru/74126132>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы думаете, что знаете Камбоджу? Храмы Ангкора, красные кхмеры, улыбчивые дети? Эта книга разобьёт ваши стереотипы. Она о стране, где духи живут в каждом камне, а правда бывает страшнее вымысла. И о том, как четверо русских иностранцев решили эту правду найти.

Камбоджа - это не только туристический глянец. Это страна, где прошлое не уходит, а становится частью настоящего. Где улыбка - не маска, а способ сказать «я жив». Где искусство лечит души, а крабы с кампотским перцем меняют жизнь.

Эта книга - о памяти. О том, как помнить, чтобы не повторить. И о том, как даже после самого страшного можно найти свет. Смех сквозь слёзы. Надежду вопреки. И, конечно, крабов. Очень много крабов.

Анатолий Шигапов

Духи Ангкора

Они пережили Таиланд. Но Таиланд был только разминкой.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Я не планировал писать вторую книгу.

Когда я закрыл последнюю страницу «Русские иностранцы. Май пен рай Таиланд без глянца», я был уверен, что на этом всё. Три миллиона просмотров, спонсорский контракт, команда, ставшая семьёй, - что ещё нужно для идеального финала? Я даже придумал красивую концовку: четыре фигуры на фоне заката, Аристотель на стене, обещание вернуться. И точка.

Но реальность, как всегда, оказалась сложнее выдумки.

Примерно через месяц после выхода пилота мне пришло письмо. Оно пришло не от спонсора, не от издателя, а от человека по имени Сованн - предпринимателя из Пномпеня, который прочитал мой пост о крипто-кокосах и узнал в нём своего мошенника-партнёра. Он благодарил меня за то, чего я не планировал делать. Он приглашал в Камбоджу. Он предлагал снять честный фильм о его стране.

И я понял, что не могу отказаться.

Не из-за денег (хотя Сованн щедро оплатил всю поездку).

Не из-за контента (хотя Камбоджа - это бесконечный источник историй). А потому что я сам хотел понять, что будет дальше. Что случится с Семой, Алисой, Артёмом и Анной, когда они покинут привычный Таиланд и ступят на землю, где духи живут в каждом камне, а правда бывает страшнее вымысла.

Я хотел узнать, останутся ли они командой, когда испытания станут серьёзнее. Я хотел увидеть, сможет ли Саша отказаться от протокола, когда столкнётся с тем, что невозможно записать в блокнот. Я хотел проверить, выдержит ли Алиса, когда вместо дипломатических улыбок ей придётся смотреть в глаза людям, пережившим геноцид. Я хотел понять, отключит ли Артём свою нейросеть, когда встретит искусство, которое не поддаётся алгоритмам. И я хотел увидеть, перестанет ли Анна быть просто наблюдателем и начнёт наконец жить своей собственной жизнью.

Эта книга стала для меня поиском ответов на эти вопросы.

ПОЧЕМУ КАМБОДЖА?

Многие спрашивают меня: «Почему Камбоджа? Почему не Вьетнам, не Индонезия, не ещё какая-нибудь тропическая страна?»

Ответ прост: Камбоджа выбрала нас.

Я не шучу. За две недели до того, как пришло письмо от Сованна, я случайно наткнулся на документальный фильм о красных кхмерах. Я смотрел его ночью, один, при выключенном свете, и не мог оторваться. Это было страшно. Это

было невыносимо. Но это было правдой. И я понял: если мы хотим снимать честное тревел-шоу, мы не имеем права игнорировать Камбоджу. Потому что Камбоджа - это не только храмы и пальмы. Это страна, которая выжила после самого страшного, что может случиться с народом. И она всё ещё улыбается.

Через две недели пришло письмо.

Я не верю в совпадения. Я верю в то, что мы сами создаём события, которые нас меняют. И когда Сованн написал: «Я хочу, чтобы вы сняли правду о моей стране», я понял: это не просто предложение. Это вызов. Проверка на то, чего мы стоим на самом деле.

Камбоджа - это не Таиланд. Если Таиланд - это коктейль, который можно пить бесконечно, то Камбоджа - это крепкий чай, который сначала кажется горьким, а потом уже не можешь от него отказаться. Здесь нет идеальных пляжей в духе «Орла и Решки». Здесь есть обожжённые солнцем рисовые поля и люди, которые на них работают, не поднимая головы. Здесь есть храмы, которые не просто красивы - они дышат историей, и эта история иногда пугает. Здесь есть музеи, из которых выходишь другим человеком.

Я знал, что мы рискуем. Я знал, что не все зрители готовы увидеть правду о Камбодже - ту самую, которую я обещал показать. Но я также знал: если мы не сделаем это, мы будем такими же фальшивыми, как глянцевые открытки, которые продают туристам на рынке. А я поклялся себе: никакого

пластика. Только правда. Как учил Сергей Новиков: «Фейк пахнет пластиком. Правда - потом, кровью и землёй».

О ГЕРОЯХ

Мне часто говорят: «Твои герои слишком идеальные. Саша - гениальный юрист, Алиса - блестящий дипломат, Артём - гениальный программист, Анна - талантливый режиссёр. Где их слабости?»

В первой книге я, возможно, переборщил с их исключительностью. Но во второй книге я дал им то, чего у них не было раньше: настоящие испытания.

Саша - он всё ещё носит с собой блокнот и протоколы. Он всё ещё проверяет документы там, где другие просто наслаждаются моментом. Но в Камбодже его протоколы сталкиваются с тем, что невозможно измерить и записать. В музее геноцида он впервые не пишет - он запоминает имена. На Реке тысячи лингамов он падает и признаёт, что не всё можно контролировать. И в финале, прощаясь с Сократом Младшим, он не записывает прощальный жест - он просто принимает его.

Я хотел показать, что даже самый рациональный человек может научиться чувствовать. И что в этом нет ничего постыдного.

Алиса - она дипломат до мозга костей. Она умеет улыбаться, когда хочется плакать, и вести переговоры, когда хочется кричать. Но в Камбодже её улыбка перестаёт быть маской. В цирке «Пхаре» она плачет, глядя на детей, которые танцуют,

хотя пережили невыносимое. Она перестаёт быть «дипломатом» и становится просто человеком, который чувствует.

Я хотел показать, что настоящая сила - не в умении скрывать эмоции, а в умении их проживать.

Артём - он привык доверять только цифрам и алгоритмам. Его нейросеть - это его защита от хаоса мира. Но в Камбодже он отключает её дважды. Сначала в музее геноцида, когда понимает, что некоторые вещи нельзя анализировать. Потом в цирке, когда смотрит на мальчика, который умеет летать, и понимает: нейросеть никогда не научится этому.

Я хотел показать, что технологии - это инструмент, а не цель. И что иногда лучший способ понять мир - просто смотреть на него.

Анна - она всегда была «глазами команды». Она снимала, но не жила. В Камбодже я дал ей шанс выйти из-за камеры. В музее геноцида она не может снимать - она просто стоит и смотрит. В цирке она говорит: «Я снимаю жизнь. И эти дети - они живут ею. По-настоящему». И это её момент прозрения.

Я хотел показать, что даже тем, кто привык наблюдать, иногда нужно просто быть. Без камеры. Без плана. Без роли.

О ТЕМАХ

В центре этой книги - три темы, которые я считаю важными.

Первая - память.

Камбоджа - это страна, которая помнит. Она помнит свою великую империю, храмы Ангкора, королей-строителей. Но

она помнит и самое тёмное время своей истории - годы красных кхмеров, когда почти два миллиона человек были убиты или умерли от голода и болезней. Эта память не исчезла. Она живёт в музеях, в рассказах выживших, в глазах людей, которые потеряли родителей и братьев.

Я хотел показать, что память - это не слабость. Это сила. Память делает нас людьми. Без памяти мы - просто животные, которые живут моментом. Но с памятью мы становимся теми, кто может учиться на ошибках прошлого.

Вторая - искусство.

Цирк «Пхаре» - это не просто развлечение. Это терапия. Это способ исцелить души детей, которые пережили войну, потерю, нищету. Они танцуют не для зрителей - они танцуют для себя. Чтобы вспомнить, что они живы. Чтобы забыть, что они видели.

Я хотел показать, что искусство - это не роскошь. Это необходимость. Когда у человека отнимают всё, искусство остаётся единственным способом сохранить человеческое достоинство.

Третья - вера.

В Камбодже духи живут в каждом камне. В каждом дереве. В каждой реке. Местные жители не сомневаются в их существовании - они просто принимают это как часть реальности. И эта вера даёт им силы жить дальше, даже когда вокруг всё рушится.

Я хотел показать, что вера - это не обязательно религия.

Это доверие к миру. К тому, что за хаосом есть порядок. К тому, что даже в самой тёмной ночи есть звёзды.

О ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ

Я писал эту книгу не так, как первую.

В Таиланде я просто записывал приключения по горячим следам, почти как дневник. В Камбодже я готовился иначе. Я читал историю страны, смотрел документальные фильмы, изучал карты и архивы. Я разговаривал с людьми, которые пережили красных кхмеров, и слушал их истории. Я расстраивался, когда они рассказывали, как теряли близких. Я злился, когда видел равнодушие мира к их страданиям. И я учился улыбаться, как они - не потому, что было легко, а потому что это единственный способ не сломаться.

Самым трудным для меня стал музей геноцида Туол Сленг. Я не мог писать о нём без слёз. Каждое имя на стене, каждая фотография, каждая цепь на кровати - это была не просто история. Это была реальность. Я не хотел вставлять эту главу в книгу, потому что боялся, что она будет слишком тяжёлой. Но потом я понял: если я её пропущу, я солгу читателям. А я поклялся не врать. Никогда.

Самым вдохновляющим для меня стал цирк «Пхаре». Я никогда не был в цирке, где дети танцуют не для денег, а для души. Я никогда не видел, как искусство лечит. Это изменило меня. Я понял, что даже после самого страшного можно найти свет. И что этот свет не зависит от обстоятельств - он внутри нас.

Самым красивым для меня стал планктон. Когда я писал эту главу, я закрыл глаза и представил, что я сам лежу на лодке и смотрю, как вода светится под пальцами. Это был момент чистого счастья, который я подарил себе после всех тяжёлых сцен. И я понял: путешествие - это не только боль. Это ещё и радость. И без неё картина была бы неполной.

О ВАС, ЧИТАТЕЛЯХ

Я пишу эту книгу для вас.

Я знаю, что вы разные. Кто-то ищет в ней лёгкое развлечение, чтобы отвлечься от работы. Кто-то - вдохновение для собственного путешествия. Кто-то - ответы на вопросы, которые мучают его уже много лет.

Я не знаю, что вы найдёте в этих страницах. Но я надеюсь, что вы найдёте что-то важное для себя. Может быть, это будет улыбка Саши, когда он впервые признаёт, что протокол не нужен. Может быть, это будут слёзы Алисы, когда она смотрит на танцующих детей. Может быть, это будет тишина Артёма, который отключает нейросеть и просто смотрит на мир. Может быть, это будет взгляд Анны, которая впервые не прячется за камерой.

Я не знаю. Но я хочу, чтобы эта книга оставила в вас след. Как Камбоджа оставила след во мне.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Эта книга - не просто текст. Это приглашение.

Приглашение отправиться в страну, которая не похожа ни на одну другую. Где храмы старше государств, а улыбки теп-

лее солнца. Где даже после самого страшного геноцида люди находят силы танцевать и строить новые школы.

Я не обещаю, что путешествие будет лёгким. Камбоджа - не курорт. Это вызов. Это зеркало, в котором мы видим себя настоящих. Но я обещаю, что оно того стоит.

Откройте эту книгу. Сядьте поудобнее. И позвольте себе уехать. В страну, где духи живут в каждом камне. Где правда бывает страшнее вымысла. Где даже в самой тёмной ночи можно увидеть звёзды.

Поехали.

Анатолий Шигапов

ДЕНЬ 0. ПИСЬМО ИЗ ПНОМПЕНЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ ОПЯТЬ ВЛИПЛИ

Прошло три месяца после возвращения из Таиланда. Пилотный выпуск «Русских Иностранцев» набрал три миллиона просмотров, и команда сидела в тесной калининградской студии, которую они сняли на первые гонорары. Здесь пахло кофе, новым пластиком и чем-то ещё - надеждой, наверное. Анна монтировала бэкстейджи, Алиса вела соцсети, Саша писал юридический отчёт по итогам экспедиции (сто двенадцать страниц, без единой ошибки), Артём допиливал приложение-путеводитель. Всё было спокойно - до того дня, когда на почту пришло письмо.

Анна открыла его на втором мониторе и сначала не поняла. Кхмерская вязь, английский перевод, русская подпись

внизу. Она перечитала дважды, потом позвала остальных. Алиса, заглянув через плечо, ахнула. Артём запустил нейросеть, которая подтвердила подлинность. Саша, который всегда скептически относился к неожиданным предложениям, в этот раз молчал - он перечитывал письмо в четвёртый раз.

«Уважаемые Русские Иностранцы! Меня зовут Сованн, я предприниматель из Пномпеня. Ваш репортаж о рыбном рынке Пхукета спас мой бизнес. Пост Саши о крипто-кокосах разоблачил мошенника, который пытался обмануть меня на сто тысяч долларов. Я ваш должник. Приглашаю всю команду в Камбоджу - все расходы беру на себя. Взамен прошу снять фильм о моей стране. Не туристический глянец, а правду - как вы умеете.

P.S. Я забронировал вам номера в отеле "Золотая Пагода". Там есть кондиционер. Иногда».

- Это ловушка, - сказал Саша первым, но голос его дрогнул. - Вероятность того, что это мошенничество - 62%. Я проверил IP-адрес, домен, упоминания Сованна в деловых кругах. Всё чисто, но слишком чисто.

- А 38%? - спросила Алиса, глядя на него с вызовом. - Что насчёт 38%?

- 38% - это риск, который мы можем принять. Если он действительно спас наш бизнес... - Саша запнулся. Он никогда не говорил «наш бизнес». Он всегда говорил «ваш про-

ект» или «финансовый поток». Но сейчас он сказал «наш».

Анна повернулась к нему. «Саша, ты хочешь поехать?» Он помолчал, потом открыл блокнот и написал: «Камбоджа - план. Пункт первый: проверить Сованна на месте. Пункт второй: изучить законодательство. Пункт третий: не умереть». И добавил подчёркнуто: «Пункт четвёртый: вернуться живыми».

Артём запустил нейросеть и усмехнулся: «Вероятность того, что мы всё равно поедem - 97%. Это выше, чем в Таиланде. Мы эволюционируем». Он был прав. Через неделю они стояли в аэропорту Домодедово с билетами до Пномпеня. Саша вёз папку с камбоджийским законодательством (Уголовный кодекс, статья о клевете - до пяти лет, статья об оскорблении короля - до десяти). Алиса - три чемодана «для образа». Анна - новую камеру, подаренную спонсором. Артём - нейросеть, обученную на кхмерском языке (словарь - 200 слов, из них 50 - «храм»).

Сергей Новиков прислал им телеграмму, которая пришла уже на посадку: «Камбоджа - это страна, где духи живут в каждом камне. Не злите духов. И не ешьте лягушек - они священны. Или нет. Пчёлы не врут, а кхмеры - да. Удачи». Анна прочитала её вслух, и Алиса, которая уже застегнула ремень, вдруг спросила: «А почему кхмеры врут?» Саша, не поднимая головы от блокнота, ответил: «Потому что они выживали. Война научила их скрывать правду. Но Сергей имеет в виду, что правда - это не то, что говорят. Это то, что

чувствуют». Все замолчали.

Самолёт взлетел. Алиса смотрела в иллюминатор на тающий Калининград, и у неё было ощущение, что они летят не просто в другую страну - они летят в другую жизнь. В Таиланде они научились чують фейки. В Камбодже им предстояло научиться чують правду. А это было сложнее.

Над Уралом самолёт начало трясти. Саша, сидевший у иллюминатора, схватился за подлокотник побелевшими пальцами. Он не боялся турбулентности - он боялся того, что не мог контролировать. Алиса, сидевшая рядом, заметила это и положила ладонь поверх его руки. «Мы летим в Камбоджу, - сказала она. - Страну, где половина людей живёт на воде, а вторая половина - в храмах. Ты сможешь контролировать только то, что сам решишь. А остальное - просто будет». Саша хотел возразить, но не нашёл слов. Он просто кивнул и посмотрел в иллюминатор на облака, которые не подчинялись никаким законам.

Анна, сидевшая через проход, смотрела на них и думала о том, что за три месяца она так и не поняла, кто она теперь. Журналист, который снимает правду? Девушка, которая влюбилась в юриста с блокнотом? Или просто человек, который бежит от себя? В Таиланде она нашла команду. В Камбодже ей предстояло найти себя. Она закрыла глаза и представила, как ступает на землю, где духи живут в каждом камне. И ей стало страшно. И хорошо одновременно.

Артём, который сидел на заднем ряду с ноутбуком на ко-

лениях, запустил нейросеть и прочитал вслух: «Камбоджа. Краткая справка. Площадь - 181 035 км². Население - 16,7 миллионов. ВВП на душу населения - 1 700 долларов. Уровень счастья - ниже среднего, но улыбаются чаще, чем в России. Интересный факт: здесь до сих пор есть минные поля, и люди умирают от мин каждый месяц. Это не Таиланд, друзья. Это серьёзно». Он произнёс это без обычной иронии, и в салоне стало тихо.

Алиса сжала руку Саши сильнее. «Мы справимся, - сказала она. - Мы же команда». «Команда, - повторил Саша, и в голосе его появилась твёрдость. - Я записал это в протокол. Пункт первый: быть командой. Пункт второй: не умирать. Пункт третий: вернуться». Он улыбнулся - впервые за три месяца по-настоящему. И в этой улыбке было обещание.

ДЕНЬ 1. АЭРОПОРТ ПНОМПЕНЯ: ВИЗА, ЖАРА И ПЕРВЫЙ РАЗВОД

Самолёт коснулся полосы аэропорта Пномпеня, и Анна, сидевшая у иллюминатора, первой увидела, как за стеклом дрожит раскалённый воздух. Она сняла этот момент - первый кадр нового сезона, - и подумала: «Добро пожаловать в ад. Здесь всё по-другому». Двери открылись, и в салон ворвался воздух - густой, влажный, горячий, как из печи. Артём, который держал телефон с термометром, присвистнул: «Плюс тридцать восемь. Влажность - девяносто процентов. Ощущается как плюс сорок пять. Это не воздух, это бульон».

Алиса, которая уже начала потеть, достала зеркальце и посмотрела на своё лицо. Её идеальный макияж таял на глазах. «Я только что растаяла», - констатировала она. Саша, выходя из самолёта, держал в руке папку с документами и методично повторял про себя статьи камбоджийского законодательства - это помогало ему не думать о жаре.

Здание аэропорта встретило их советскими мозаиками на стенах - танцующие апсары, рисовые поля, рабочие с серпами. Анна немедленно начала снимать, но в этот раз без обычного восторга. Она чувствовала напряжение, которое висело в воздухе, как влажность. Артём запустил нейросеть: «Аэропорт Пномпеня, построен в 1964 году при содействии СССР. Мозаики - соцреализм с кхмерской спецификой. Интересно, что здесь сохранилось до сих пор». Алиса высматривала указатели на трёх языках - кхмерском, английском и французском. «Колониальное наследие», - прокомментировал Саша, и в голосе его слышалась не ирония, а настороженность. Этот город был не таким, как Бангкок. Здесь всё было старше, глубже и опаснее.

Очередь на паспортный контроль двигалась медленно. Саша, стоя в очереди, перечитывал распечатку: «Визовый кодекс Королевства Камбоджа. Статья 7: туристическая виза оформляется на границе. Стоимость - 30 долларов. Требуется: паспорт, фотография 4×6, заполненная анкета». Он раздал команде бланки и ручки. Анна заполнила за три минуты, не глядя - она уже привыкла к бюрократии. Артём скопи-

ровал данные из шаблона в телефоне. Алиса выводила буквы каллиграфическим почерком. Саша заполнял пятнадцать минут, трижды переписывая графу «адрес в Камбодже».

Наконец они подошли к окошку. Чиновник - молодой кхмер с идеальной осанкой и непроницаемым лицом - взял документы и начал изучать их с таким вниманием, будто это был Билль о правах. Саша протянул ровно сто двадцать долларов. Чиновник пересчитал и сказал по-английски: «Плюс пять долларов за обработку». Саша замер: «Где это указано в законодательстве?» Чиновник улыбнулся той самой улыбкой, которая означает всё и ничего одновременно: «В моём сердце». «В вашем сердце нет юридической силы!» - возмутился Саша. «Я требую официальный документ!» Чиновник пожал плечами: «Документа нет. Но есть традиция». Алиса, видя, что ситуация накаляется, шагнула вперёд. «Уважаемый офицер, мы гости вашей прекрасной страны. Мы снимаем фильм о Камбодже. Может быть, вы войдёте в положение?» Она улыбнулась той самой дипломатической улыбкой, которую отработала за годы стажировок. Чиновник посмотрел на неё, на её улыбку, на камеру Анны, которая снимала эту сцену, и вдруг сказал: «Ладно. Тридцать. Без обработки. За красоту». И поставил штампы. Саша записал в блокнот: «Виза: 30 долларов вместо 35. Скидка 14% за "красоту". Юридическое основание: отсутствует. Практическое: работает».

Пока Саша спорил, Артём ждал багаж у ленты. Чемода-

ны Анны и Алисы появились быстро - узнаваемые, с наклейками «Русские Иностранцы». Чемодан Саши - строгий, чёрный, с биркой «ХРУПКОЕ» - тоже выехал без приключений. А вот чемодан Артёма - серебристый, с наклейкой «I LOVE Python» - вдруг поехал в обратную сторону. «Мой чемодан, - закричал Артём. - Он уезжает!» Он бросился вдоль ленты, расталкивая туристов. Чемодан, словно издеваясь, скрылся за резиновыми полосами. Артём нырнул следом, и через минуту появился, прижимая чемодан к груди. «Там был ещё один круг, - объяснил он. - Он просто пошёл на второй заход». «Ты нырял за багажом?! - Алиса всплеснула руками. - Ты мог получить штраф!» «Штраф за багаж? - Артём пожал плечами. - В Камбодже всё немножко незаконно. Кроме Будды». Саша записал в блокнот: «Артём: спасение багажа. Метод: ныряние. Эффективность: высокая. Риск: средний». Алиса вздохнула и покачала головой.

В зале прилёта их сразу атаковала толпа таксистов. «Мадам! Такси! Дёшево! Пномпень!» Один из них - пожилой мужчина с седыми усами и в кепке-аэродроме - вдруг сказал по-русски с отчётливым одесским акцентом: «Садитесь, хлопцы, довезу с ветерком. У меня кондиционер - форточка и скорость». Алиса изумилась: «Вы говорите по-русски?!» «А то! Я Дима, бывший моряк из Херсона. Тридцать лет как здесь. Садитесь, не пожалеете». Саша подошёл и сразу спросил: «У вас есть лицензия таксиста?» Дима рассмеялся: «Лицензия? У меня есть три жены, два бизнеса и одна тюрьма.

Лицензия - это скучно». Саша записал в блокнот: «Дима - лицензия: отсутствует. Жизненный опыт: богатый. Доверие: предварительное». И они сели в старый Mercedes, который пах бензином и кожей.

Старый Mercedes Димы пах бензином и кожей. Кондиционер действительно работал - но только если открыть все окна. Команда погрузилась, и машина рванула с места, лавируя между тук-туками, мотобайками и велосипедистами. Дима крутил руль одной рукой, другой жестикулировал, рассказывая историю своей жизни.

- Я сюда попал в девяносто втором, - говорил он. - После развала Союза. Думал - на пару месяцев, подзаработать. А остался на тридцать лет. Первая жена была кхмерка, вторая - вьетнамка, третья - опять кхмерка. От каждой по ребёнку. Бизнес - сначала рыбу возил, потом лес, потом стройка. А тюрьма... ну, это длинная история. Скажем так: не надо спорить с полицией в Пномпене, когда у тебя в кузове двадцать мешков риса без документов.

Саша записывал каждое слово. «Это будет раздел "Правовые риски Камбоджи"», - пояснил он. Дима, заметив это, усмехнулся: «Правовые риски? Хлопец, здесь главный риск - это духи. Задобришь духа - всё будет хорошо. Не задобришь - никакой закон не поможет».

- А как задобрить духа? - спросила Алиса.

- По-разному. Иногда - монетку бросить. Иногда - виски налить. А иногда - просто не ходить туда, где они живут. Я,

например, не хожу на гору Удор. Там живёт злой дух. Проверено.

Саша записал: «Дима: духи Камбоджи. Методы задабривания: монета, виски, избегание. Юридическая сила: нулевая. Практическая: высокая».

К вечеру Mercedes, проехав через весь город - мимо Королевского дворца, мимо рынков, мимо храмов с золотыми шпилями, - остановился у семиэтажного здания с вывеской на трёх языках. Кхмерская вязь, английское «Golden Pagoda Hotel» и русское «Золотой Пагод».

- «Золотой Пагод»? - переспросила Алиса. - Без «а»?

- Ну, сэкономил на букве, - пожал плечами Дима. - Зато внутри кондиционер. Иногда.

Команда выбралась из машины. Анна сняла вывеску крупным планом. Артём проверил нейросеть: «Отель "Золотая Пагода". Три звезды. Wi-Fi - есть. Кондиционер - да, но с перебоями. Рейтинг - 3.8». Саша взял чемоданы и первым направился к дверям. Алиса задержалась на секунду, глядя на небо. Оно было оранжевым от заката, и где-то в вышине кружили летучие мыши.

- Ну что, Калининградский десант? - сказала Анна, поднимая камеру. - Новый сезон. Новая страна. Новые приключения.

- И новые духи, - добавил Саша. - Я запишу протокол.

- И новые штрафы, - вставил Артём.

- И новые падения, - вздохнула Алиса. - Ладно. Поехали.

Они вошли в лобби. За стойкой их ждала Срей Мао - девушка с ослепительной улыбкой и родинкой на щеке. Увидев русских, она сложила руки в вай: «Добро пожаловать в "Золотой Пагод"! Мы вас ждали! Ваш номер - с видом на рынок. Очень красивый. Особенно в пять утра, когда начинают кричать продавцы рыбы».

Алиса вздохнула: «Опять началось».

Завтра их ждал первый полный день в Пномпене. Но это уже совсем другая история.

ДЕНЬ 2. ОТЕЛЬ «ЗОЛОТАЯ ПАГОДА»: НОМЕР С ВИДОМ НА РЫНОК И ГЕККОН-ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

Лобби отеля «Золотая Пагода» сияло позолотой. В центре, на постаменте из старых телевизоров, восседал двухметровый Будда. Телевизоры были разных марок - Sony, Panasonic, какой-то советский «Горизонт» - и все, кажется, не работали. Анна немедленно подняла камеру и начала снимать. Артём запустил нейросеть, которая определила стиль как «постмодернистский китч с элементами буддийской иконографии». Саша подошёл ближе и постучал по одному из телевизоров.

- Это арт-объект, - объяснила Срей Мао, администратор с ослепительной улыбкой и родинкой на щеке. - Владелец отеля говорит: «Будда смотрит на мир через экраны, как мы смотрим на Будду». Очень философски.

- Очень пыльно, - заметил Саша, проведя пальцем по

экрану «Горизонта». - Я запишу в отчёт.

- Ты будешь писать жалобу на пыль на Будде?! - изумилась Алиса.

- Я буду писать отчёт о состоянии объекта культурного значения. Пыль - это нарушение норм содержания.

Срей Мао улыбнулась и сказала: «Май пен рай. У нас есть тряпка. Я протру». Саша записал в блокнот: «Срей Мао - реакция на замечания: быстрая. Но требуется контроль исполнения».

Номер Саши и Артёма располагался на третьем этаже и выходил окнами на Центральный рынок - Псар Тмей. Огромный купол рынка, построенный в 1937 году, был виден как на ладони. Сейчас, вечером, он сиял огнями, и оттуда доносился приглушённый гул голосов. Но Срей Мао предупредила: «В пять утра рынок просыпается. Будет громко. Очень громко».

- Насколько громко? - уточнил Саша.

- Как будто у вас в номере кричат продавцы рыбы. Но это даже хорошо. Не нужен будильник.

Саша записал в блокнот: «Номер 302 - акустический фон: высокий. Естественный будильник: продавцы рыбы. Время активации: 5:00». Артём, который проверял Wi-Fi, вдруг присвистнул: «Пароль - "goldenpagoda123". Скорость - 5 мегабит. Это не интернет, это телеграф».

- Но работает? - спросила Анна, заглядывая в номер.

- Работает. Я взломал соседский репитер, теперь у нас 15

мегабит.

- Ты взломал чужой Wi-Fi?! - Саша оторвался от блокнота.

- Я не взломал. Я одолжил. Они всё равно не пользуются

- там пустой номер.

- Это незаконно.

- В Камбодже всё немножко незаконно. - Артём пожал плечами. - Кроме Будды.

Номер Анны и Алисы находился этажом выше и выходил окнами на Меконг. Вид был потрясающий: широкая река, закатное небо, пальмы. Алиса вышла на балкон и вдохнула полной грудью: «Вот это да! Мы будем снимать здесь рассветы!»

Но когда она вернулась в ванную, то замерла. На кафельной стене, прямо над раковиной, сидел геккон. Маленький, серый, с прозрачными лапками и глазами-бусинками. Алиса открыла рот, чтобы закричать, но вспомнила Аристотеля, паука-охотника из Таиланда, и передумала.

- Анна, - позвала она. - У нас тут жилец.

Анна заглянула в ванную и улыбнулась: «Геккон! Какой милый!»

- Милый?! Он на меня смотрит!

- Он на тебя не смотрит. Он смотрит на комара. Видишь?

Вон, над зеркалом.

Действительно, над зеркалом кружил комар. Геккон замер, прицелился и молниеносно схватил его. Алиса выдохнула: «Ладно. Пусть живёт. Но я дам ему имя».

- Какое?

- Сократ Младший. В честь таракана Сократа из Таиланда.

Алиса оторвала от блокнота листок и написала: «Сократ Младший. Не кантовать». Приклеила к стене рядом с гекконом. Саша, зашедший проверить номер, увидел табличку и записал в блокнот: «Геккон Сократ Младший - статус: домашнее животное (неофициально). Юридическая сила: нулевая. Моральная: высокая».

Саша, верный своей привычке, начал методичный осмотр номера. Он проверил кондиционер (работает, но шумит), сантехнику (вода течёт, напор слабый), розетки (три, все работают), замок на двери (надёжный) и москитные сетки на окнах. В москитной сетке он нашёл дыру.

- Дыра, - объявил он. - Через такую может пролезть комар. Или геккон.

- Геккон у нас уже есть, - напомнила Алиса. - В ванной.

- Это не отменяет необходимости ремонта. Я составлю акт.

Он сел за стол и написал: «Акт приёмки номера 402. Выявленные недостатки: дыра в москитной сетке, слабый напор воды, шумный кондиционер. Рекомендации: заменить сетку, прочистить трубы, смазать вентилятор». Потом отнёс акт Срей Мао.

Срей Мао прочитала, улыбнулась и сказала: «Сетку заменим. Воду починим. Кондиционер... он старый. Но если вы

хотите, я могу переселить вас в другой номер».

- Нет, - ответил Саша. - Мы останемся. Но с исправлениями.

- Как скажете, мистер Александр. - Она убрала акт в папку и подмигнула. - Вы первый гость, который пишет акт приёмки номера. Уважаю.

Саша записал в блокнот: «Срей Мао - реакция: позитивная. Готовность к исправлениям: высокая».

Вечером команда спустилась в ресторан отеля. Там их уже ждал Сованн - невысокий мужчина лет пятидесяти, в идеально отглаженной белой рубашке, с часами Rolex на запястье и с улыбкой, которая не сходила с лица. Рядом с ним стоял накрытый стол на семь персон - фарфор, серебро, хрустальные бокалы.

- Друзья мои! - воскликнул он, увидев команду. - Вы приехали! Я так рад! Садитесь, садитесь! Я заказал лучшее, что есть в этом ресторане.

Артём, увидев сервировку, присвистнул: «Это что, устрицы?»

- Да! Свежайшие! Из Сиануквиля! - Сованн просиял. - И крабы! И лобстеры! И шампанское!

- Мы не пьём алкоголь, - предупредил Саша.

- Шампанское безалкогольное! Я всё продумал!

Саша записал в блокнот: «Сованн - предусмотрительность: высокая. Безалкогольное шампанское - деталь, вызывающая доверие». Алиса села за стол и оглядела блюда. Семь

перемен, каждая красивее предыдущей. Сованн поднял бокал:

- Я хочу произнести тост. За русских! За вас! За то, что вы спасли мои кокосы!

Артём, который в этот момент пробовал устрицу, подавился. Алиса закашлялась. Саша замер с ручкой в руке. Анна, не опуская камеру, переспросила: «Простите, что вы сказали?»

- Мои кокосы! - повторил Сованн. - Вы спасли мой кокосовый бизнес! Ваш пост о крипто-кокосах разоблачил мошенника, который пытался украсть у меня сто тысяч долларов!

Алиса выдохнула: «Вы имели в виду кокосовый бизнес?»

- Конечно! А вы о чём подумали?

Саша записал в блокнот: «Пункт первый: всегда уточнять контекст фразы "спасли мои кокосы"». Артём откашлялся и сказал: «Ни о чём. Просто устрица не та пошла». Все рассмеялись, и вечер покатился дальше.

За ужином Сованн рассказал свою историю. Он родился в маленькой деревне, в семье рисоводов. Когда к власти пришли красные кхмеры, ему было семь лет. Его родителей увели - он никогда их больше не видел. Он бежал в Таиланд, прятался в джунглях, питался кореньями и ящерицами. В лагере беженцев научился читать по букварю, который дал русский волонтер. «Моя первая книга - "Букварь", - сказал он. - Я до сих пор помню: "Мама мыла раму"».

В девяностых он вернулся в Камбоджу с двадцатью долла-

рами в кармане. Начал с торговли кокосами на рынке. Потом - рис, недвижимость, микрофинансирование. Теперь у него три завода, два отеля и одна яхта. «Я должен всё, что имею, Камбодже, - сказал он. - И немного - русским. За "Букварь"».

Анна снимала его лицо - морщинистое, но светящееся. Алиса вытирала глаза. Саша проверял документы Сованна, которые тот принёс с собой, и не находил ни одной ошибки. «Это подозрительно», - прошептал он Артёму. Сованн услышал и рассмеялся: «Я нанял четырёх аудиторов перед вашим приходом. Всё чисто. Я не хочу, чтобы русские друзья нашли у меня ошибки. Это был бы позор!»

После ужина Сованн достал из кармана четыре маленьких бархатных мешочка. «Это вам», - сказал он. В каждом лежала серебряная монета - старинная, с изображением короля Нородома.

- Это настоящие? - спросила Алиса.

- Настоящие. Из коллекции моего деда. Они приносят удачу. В Камбодже без удачи нельзя. Даже с деньгами.

Саша взял монету, осмотрел и записал в блокнот: «Монета - серебро, проба не указана, год чеканки - предположительно 1920-й. Юридическая ценность: высокая. Удача: неконвертируема». Артём сфотографировал монету и добавил в нейросеть с тегом «артефакт». Анна сняла крупный план. Алиса спрятала мешочек в сумку и сказала: «Я буду носить её с собой. На счастье».

Сованн улыбнулся: «Завтра я покажу вам свой офис. А

потом - Пномпень. Настоящий. Не туристический. Вы готовы?»

- Готовы, - ответила Анна. - Мы за этим сюда и приехали.

Ночью команда разошлась по номерам. Алиса лежала в кровати и смотрела, как Сократ Младший охотится на комаров под потолком. Анна перебирала отснятый материал. Саша сидел за столом с блокнотом и писал отчёт за день. Артём проверял нейросеть, которая училась распознавать кхмерскую речь.

Где-то далеко, на рынке, уже начинали просыпаться торговцы. Первые крики «Свежая рыба!» раздались в четыре утра. Саша, который спал чутко, проснулся, надел беруши и записал в блокнот: «Рынок - активность с 4:00. Продавцы рыбы - громкие. Беруши - эффективны». Потом лёг обратно и уснул.

В номере 402 Сократ Младший продолжал охоту. Алиса, просыпаясь на секунду, видела его силуэт на стене и улыбалась. Камбоджа начиналась. И она была совсем не похожа на Таиланд.

В семь утра команда собралась в ресторане на первом этаже. Завтрак был скромным: рис, яйца, свежее манго и чай из лемонграсса. Срей Мао принесла поднос и сказала: «Сегодня хороший день. Будда улыбается».

- Как вы узнали? - спросил Саша.

- Я спросила. Он ответил.

Саша записал в блокнот: «Срей Мао - способ коммуни-

кации с Буддой: прямой диалог. Подтверждение: субъективное». Артём, жуя манго, заметил: «Нейросеть говорит: сегодня ясно, +36°C, вероятность дождя - 12%. Будда не ошибся».

- Ты сверяешь прогноз погоды с Буддой?! - изумилась Алиса.

- Я сверяю всё. Это моя работа.

Анна сняла завтрак на камеру и сказала: «День второй. Мы в Пномпене. План на сегодня: офис Сованна, потом Центральный рынок. Поехали».

Сованн прислал за ними машину - белый Lexus с кондиционером. Через двадцать минут они были у ворот трёхэтажного особняка с садом, фонтаном и статуей Гаруды у входа. Офис оказался внутри - просторный, с кожаными креслами, кондиционером и секретаршей, говорящей на идеальном английском.

- Это мой офис, - сказал Сованн. - Здесь я работаю. А вон там, - он показал на стену, где висела застеклённая страница букваря, - моя первая книга. «Мама мыла раму». Я смотрю на неё каждый день.

Саша подошёл к стене и изучил страницу. «Букварь 1983 года издания. Состояние - хорошее. Ценность - историческая», - записал он. Артём сфотографировал. Алиса стояла у фонтана и смотрела на золотых рыбок. Анна снимала кабинет Сованна - большой стол, карта Камбоджи, фотографии семьи.

- Я хочу, чтобы вы сняли мою страну, - сказал Сованн. - Не туристические открытки. А правду. Храмы и рынки, школы и минные поля, радость и боль. Всё. Вы сможете?

- Сможем, - ответила Анна. - Мы за этим здесь.

После офиса Сованна команда отправилась на Центральный рынок - Псар Тмей. Огромное здание в форме купола, построенное в 1937 году, было лабиринтом из прилавков. Золото, шёлк, электроника, еда, сувениры - всё смешалось в одном пространстве. Анна снимала сюжет «Русский на рынке: как не купить всё». Алиса немедленно нашла ювелирный ряд и замерла у прилавка с рубинами.

- Смотрите! - она показала кольцо с тёмно-красным камнем. - Настоящий рубин! Из Пайлина! Всего двести долларов!

Саша взял кольцо и сертификат. Прочитал. «Здесь написано: "100% натуральный камень". Но не указано, какой именно. Это может быть шпинель». Продавец, пожилой кхмер, усмехнулся: «Ты умный. Давай сто пятьдесят». Саша торговался полчаса. Сошлись на восьмидесяти.

- Это юридическая победа, - объявил Саша. - Скидка 60%.

Алиса надела кольцо и покрутила рукой. «Красиво. Даже если шпинель».

Артём нашёл прилавок с поддельными очками. Продавец - молодой парень в футболке «I LOVE Cambodia» - протянул ему Ray-Ban: «Оригинал, брат! Сто процентов! Смотри - логотип есть!» Артём проверил через нейросеть: «Логотип

кривой, UV-защита отсутствует, цена - 3 доллара. Это подделка».

- Конечно подделка! - засмеялся продавец. - Потому и три доллара. Бери две пары - пять.

Артём взял две - одну себе, одну Саше. Саша отказался: «Это нарушение прав интеллектуальной собственности». Артём: «Саша, это сувенир. Сувенир на память о том, как мы нарушали права интеллектуальной собственности». Саша надел очки. Они сидели криво. Анна сняла крупный план.

К вечеру у команды были: три кольца (одно, возможно, с рубином), четыре пары очков (все поддельные), статуэтка Будды из «нефрита» (оказался пластиком) и футболка «I Love Cambodia», напечатанная в Китае. Саша подвёл итог: «Бюджет рынка: 120 долларов. Приобретений: 9. Подлинность: сомнительная. Опыт: бесценный».

Вечером, сидя в номере, команда подводила итоги. Саша записал в блокнот: «День 2. Локации: отель, офис Сованна, Центральный рынок. Конфликтов: ноль. Нарушений: одно (дыра в сетке). Приобретений: девять. Вывод: Пномпень - город контрастов. Готовимся к третьему дню».

Алиса лежала на кровати и смотрела, как Сократ Младший охотится на комара. «Знаешь, - сказала она Анне, - а мне здесь нравится. Шумно, пыльно, но... настоящее».

- Это и есть правда, - ответила Анна. - Не глянец. Жизнь.

- Я записал, - сказал Саша. - «Правда - не глянец». Пункт

второй протокола по Камбодже.

Сократ Младший поймал комара и замер. Где-то далеко, на рынке, затихали последние крики торговцев. Завтра их ждал Королевский дворец. Но это уже совсем другая история.

ДЕНЬ 3. Центральный рынок Пномпеня (Псар Тмей):
торг, золото и поддельный Ray-Ban

Солнце вставало над Пномпением, и команда собралась за завтраком. Саша сидел с блокнотом и калькулятором. - Центральный рынок, - объявил он. - Псар Тмей. Главный рынок страны. Построен в 1937 году. Площадь - десять тысяч квадратных метров. Четыре крыла: золото, ткани, еда, электроника. Я подготовил бюджет. Триста долларов на всех. Это максимум.

- Триста долларов?! - Алиса отложила манго. - Саша, там рубины по двести! Твоих трёхсот не хватит на одно кольцо!

- Значит, будем торговаться. У меня есть стратегия. Пункт первый: никогда не соглашаться на первую цену. Пункт второй: ссылаться на конкурентов. Пункт третий: при отказе - уходить. Это универсальная техника. Я читал.

- Ты читал книгу по торгу перед рынком?! - Артём поднял голову от ноутбука. - Какую?

- «Искусство переговоров: от базара до зала суда». Очень полезно. Автор - профессор Гарварда. Но примеры - с рынков Марокко.

- Ты учился торговаться по гарвардскому учебнику?! - Алиса расхохоталась. - Саша, это Камбоджа! Здесь гарвардские техники не работают!

- Посмотрим. У меня запасной план: обаяние Алисы.

Алиса поперхнулась чаем. - Ты хочешь использовать моё обаяние как инструмент торга?!

- Да. Пункт четвёртый: в случае неудачи - применить дипломатию. Это твоя специализация.

Анна сняла этот диалог и сказала в камеру: «День третий. Мы едем на Центральный рынок. У Саши - гарвардский учебник. У Алисы - обаяние. У Артёма - нейросеть. У меня - камера. Поехали».

Центральный рынок встретил их куполом - огромным, жёлтым, в стиле ар-деко, который возвышался над окрестными улочками. Внутри царил хаос. Тысячи прилавков, тысячи голосов, запахи специй, рыбы и благовоний смешивались в единый гул. Анна включила камеру и замерла: свет, падающий сквозь стеклянные вставки купола, создавал причудливую игру теней. Артём запустил нейросеть: «Рынок Псар Тмей. Построен в 1937 году. Архитектор - француз. Стиль - колониальный модернизм. Количество прилавков - более трёх тысяч».

Саша достал карту рынка (он распечатал её вчера) и начал прокладывать маршрут. - Сначала - золотой ряд, - объявил он. - Алиса хотела кольцо. Потом - электроника, для Артёма. Потом - сувениры, для всех. Двигаемся по часовой стрелке.

Не отстаём. Держимся вместе.

- Саша, - сказала Алиса, - мы на рынке, а не на военной операции.

- Рынок - это хаос. Хаос требует организации.

Они вошли под своды купола. Алиса первой заметила прилавок с рубинами и ахнула. Кольца, серьги, браслеты, усыпанные тёмно-красными камнями, блестели под лампами. Продавец, пожилой кхмер с седыми висками, заметил её интерес и улыбнулся: «Мадам! Рубины из Пайлина! Лучшие в Камбодже!»

Алиса примерила кольцо с крупным тёмно-красным камнем и замерла. Камень сиял. Продавец, почувствовав добычу, начал расписывать: «Это настоящий рубин, мадам. Из Пайлина. Там добывают лучшие рубины в мире. Посмотрите на цвет - это цвет голубиной крови. Самый редкий».

- Сколько? - спросила Алиса.

- Двести долларов. Для вас - сто восемьдесят.

Саша немедленно взял сертификат и начал читать. Через минуту он поднял голову: «Здесь написано: "100% натуральный камень". Но не указано, какой именно. Рубин? Шпинель? Турмалин? Без видовой идентификации сертификат не имеет силы».

Продавец моргнул. Потом улыбнулся: «Ты юрист?»

- Да.

- Я так и подумал. Ладно. Сто пятьдесят. И я добавлю второй сертификат. С печатью.

Саша проверил второй сертификат. Печать была. Видовая идентификация - отсутствовала. «Это не решает проблему», - сказал он. Продавец вздохнул: «Сто двадцать. Последняя цена».

Алиса посмотрела на Сашу. Саша посмотрел на Алису. «Восемьдесят, - сказал он. - И мы берём два кольца».

Продавец засмеялся: «Ты торгуешься как кхмер. Девяносто. Два кольца. По рукам?»

Саша пожал руку. Алиса надела кольцо и просияла. Саша записал в блокнот: «Кольцо - цена 90 долларов (два). Скидка 55%. Сертификат - сомнительный. Красота - бесспорная».

Пока Саша торговался за рубины, Артём ушёл в электронный ряд. Он нашёл прилавок с очками, телефонами и часами. Продавец, молодой парень в футболке «I LOVE Cambodia», протянул ему Ray-Ban: «Оригинал, брат! Сто процентов! Смотри - логотип есть!»

Артём включил нейросеть. Та проанализировала логотип и выдала: «Отклонение от эталона - 12%. UV-защита - отсутствует. Материал линз - поликарбонат низкого качества. Вердикт: подделка».

- Это подделка, - сказал Артём.

- Конечно подделка! - засмеялся продавец. - Потому и три доллара. Бери две пары - пять.

- Четыре.

- Четыре с половиной.

- Четыре и ты даёшь мне вон тот чехол. С пальмой.

- По рукам.

Артём вернулся к команде с двумя парами очков. Саша посмотрел на них и сказал: «Это нарушение прав интеллектуальной собственности». Артём надел очки (они сидели криво) и ответил: «Саша, это сувенир. Сувенир на память о том, как мы нарушали права интеллектуальной собственности». Анна сняла крупный план - Артём в кривых очках, Саша с выражением лица «я это не одобряю», Алиса, примеряющая кольцо.

Пока все торговались, Анна снимала. Она ходила по рынку с камерой, ловила лица, жесты, улыбки. Старуха, продающая специи, рассмеялась, увидев объектив, и показала язык. Мальчик с подносом жареных тараканов закричал: «Фото - доллар!» Анна дала ему доллар и сняла, как он жуёт таракана. «Это будет в рубрике "Местный колорит"», - сказала она.

Она нашла Сашу - он торговался за статуэтку Будды. Продавец клялся, что это нефрит. Саша проверял сертификат. Анна сняла их диалог: «Здесь написано "100% натуральный камень". Но не указано, какой. Это может быть пластик». Продавец: «Это не пластик! Это... э-э-э... камень!» Саша: «Какой именно? Гранит? Мрамор? Кварц?» Продавец: «...Хороший камень!» Саша записал в блокнот: «Статуэтка Будды - материал: "хороший камень". Идентификация: отсутствует. Цена: 15 долларов (сбита с 40)».

После трёх часов хождения по рынку команда проголодалась. В дальнем углу обнаружилась крошечная закусочная -

пластиковые табуретки, котёл с бульоном, гора риса. Хозяйка - старуха с беззубой улыбкой - предложила суп из стеклянной лапши с креветками. Саша проверил санитарный сертификат (действителен), и они сели обедать.

Суп был обжигающим, пряным, с лаймом и чили. Алиса ела и стонала от удовольствия. Артём сканировал лапшу нейросетью: «Состав: рисовый крахмал, вода. Калорийность: 190 ккал на порцию». Саша записывал рецепт. Анна снимала пар, поднимающийся над мисками. «Это настоящая еда, - сказала она. - Не ресторанная. Рыночная. Живая».

После обеда Алиса нашла прилавок с шёлком. Она выбрала платок - синий, с золотыми узорами. Продавщица запросила тридцать долларов. Алиса включила дипломата: «Уважаемая, я понимаю, что ручная работа стоит дорого. Но я покупаю не один платок, а три. Для всей команды. Давайте найдём компромисс». Через пять минут цена упала до пятнадцати за три. Саша записал: «Алиса: техника - покупки - скидка 50%». Артём тем временем купил кокос. Пожилая тайка ловко разрубила его мачете и протянула с трубочкой. Артём пил кокосовую воду и смотрел на толпу. «Здесь жизнь кипит, - сказал он. - Как в хорошем дата-центре в час пик».

У прилавка с часами Саша заметил Rolex. Продавец клялся, что это оригинал. Саша попросил сертификат. Продавец дал. Саша прочитал и сказал: «Здесь написано "Rolex". Но серийный номер отсутствует. Это контрафакт». Продавец обиделся: «Это не контрафакт! Это... э-э-э... оммаж!»

Саша записал в блокнот: «Оммаж - термин, используемый для легализации контрафакта. Юридическая сила: нулевая». Часы он не купил, но спор сняли на камеру.

К вечеру команда вернулась в отель. Саша разложил покупки на кровати: три кольца (возможно, с рубинами), четыре пары очков (все поддельные), статуэтка Будды (пластик), шёлковые платки, кокос (уже выпит), футболка «I Love Cambodia» (напечатана в Китае). «Бюджет рынка - 120 долларов, - подвёл он. - Скидки - от 40 до 60%. Опыт - бесценный». Алиса надела кольцо и покрутила рукой: «Красиво. Даже если шпинель». Артём поправил кривые очки: «Зато дёшево». Анна сняла финальный кадр: гора покупок и четверо уставших, но довольных русских.

Вечером Срей Мао принесла чай и манго. Увидев покупки, она улыбнулась: «Вы хорошо потратили деньги. Рынок любит щедрых». Саша показал ей сертификат на рубин. Срей Мао прочитала и сказала: «Это не рубин. Это шпинель. Но красивая. Носите». Саша записал в блокнот: «Срей Мао - подтверждение: шпинель. Ценность: эстетическая». Алиса вздохнула: «Шпинель так шпинель. Главное - красиво». Срей Мао улыбнулась: «В Камбодже главное - не камень. Главное - кто его носит».

Ночью, сидя на балконе с видом на Меконг, команда делилась впечатлениями. Анна сказала: «Рынок - это Камбоджа в миниатюре. Хаос, шум, улыбки, торг. Здесь всё настоящее». Артём добавил: «Нейросеть проанализировала эмо-

ции. Уровень счастья - выше среднего. Мы адаптируемся». Алиса покрутила кольцо на пальце: «Я думала, что Таиланд - это вершина. Но Камбоджа... она другая. Более дикая. Более честная». Саша записал в блокнот: «День 3. Вывод: Камбоджа - страна контрастов. Торг - искусство. Рынок - школа жизни».

В номере Алисы Сократ Младший продолжал охоту. Он поймал трёх комаров и теперь сидел на стене, довольно облизываясь. Алиса смотрела на него и думала: «Вот ты, маленький геккон, живёшь в этом отеле, охотишься на комаров и ничего не знаешь о рубинах и шпинелях. И тебе хорошо». Она улыбнулась и выключила свет. Завтра их ждал Королевский дворец. Но это уже совсем другая история.

Саша дописывал дневник. «День 3. Рынок Псар Тмей. Покупок: 12. Скидки: 40–60%. Конфликтов: 2 (оба урегулированы). Потерь: ноль. Приобретений: опыт, кольца, очки, платки. Общий итог: Камбоджа - страна, где всё можно купить. И всё можно оспорить». Он закрыл блокнот и посмотрел на спящего Артёма. Завтра их ждал Королевский дворец, статья об оскорблении монарха и новая порция приключений. Но это уже совсем другая история.

День 4. Королевский дворец: Саша и статья об оскорблении монарха

Солнце ещё не набрало полную силу, а команда уже стояла у входа в отель «Золотая Пагода», ожидая тук-тук. Се-

годня был день Королевского дворца - главной достопримечательности Пномпеня. Анна готовила историческую справку, перечитывая путеводитель. Артём проверял нейросеть, которая загружала схему дворцового комплекса. Алисаправляла одежду - она выбрала длинную юбку и блузку с закрытыми плечами, помня о строгом дресс-коде. Саша стоял с папкой в руках и зачитывал вслух:

- Уголовный кодекс Королевства Камбоджа. Статья 437: «Оскорбление короля или членов королевской семьи наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет». Статья 438: «Неуважение к королевским символам - до пяти лет». Я подготовил инструкцию. Пункт первый: молчать. Пункт второй: не указывать пальцем. Пункт третий: не фотографировать охранников без разрешения. Пункт четвёртый: не обсуждать политику. Пункт пятый: не...

- Саша, - перебила Алиса, - мы идём во дворец, а не на допрос. Это просто экскурсия.

- Экскурсия по месту, где действуют особые законы. Я проверил статистику: за прошлый год три туриста были задержаны за неуважение к королевским символам. Один из них - за то, что сел на трон.

- Он сел на трон?! - изумился Артём.

- Да. Решил сфотографироваться. Теперь у него условный срок и запрет на въезд в Камбоджу.

- Мы не будем садиться на трон, - пообещала Анна. - Мы будем снимать. Аккуратно.

Тук-тук - ярко-синий, с узорами в виде драконов - подкатил к отелю. Водитель, молодой кхмер с бейсболкой, поклонился: «Доброе утро! Королевский дворец? Я отвезу! Пять долларов!» Саша записал цену в блокнот и дал отмашку. Команда погрузилась, и тук-тук рванул с места, лавируя между мотобайками.

Королевский дворец встретил их сиянием золотых спи-лей. Классическая кхмерская архитектура - изогнутые кры-ши, украшенные нагами, белые стены, красные колонны. У ворот толпились туристы, щёлкали фотоаппараты, гиды раз-махивали флажками. Анна подняла камеру и начала снимать панораму. Алиса замерла, глядя на тронный зал: «Это как в сказке. Как будто мы попали в "Тысячу и одну ночь", только кхмерскую версию».

- Тронный зал построен в 1917 году, - зачитал Саша. - Ис-пользовался для коронаций и официальных приёмов. Высота - 59 метров. Это самое высокое здание в дворцовом ком-плексе.

- Ты выучил путеводитель наизусть? - спросила Алиса.

- Да. Это разумная предосторожность.

У входа их встретила табличка на трёх языках: «Уважае-мые посетители! Пожалуйста, соблюдайте тишину. Не при-касайтесь к экспонатам. Не фотографируйте охрану. Одеж-да должна закрывать плечи и колени». Саша проверил одеж-ду каждого. Анна - плечи закрыты, колени закрыты. Артём - плечи закрыты, шорты до колена (допустимо). Алиса - всё

закрыто. «Проходим», - сказал он.

Внутри было прохладно. Полы из итальянского мрамора, стены украшены фресками из «Рамакера» - кхмерской версии «Рамаяны». Анна снимала каждую деталь: битвы, богов, апсар, слонов. Артём запустил нейросеть, которая распознавала сюжеты: «Сцена похищения Ситы. Сцена битвы Ханумана с демоном. Сцена коронации Рамы». Саша шёл медленно, изучая таблички. Алиса замерла перед золотой статуей Будды, усыпанной бриллиантами.

- Это Будда Изумрудный? - спросила она.

- Это Будда Золотой, - поправил Саша. - Изумрудный - в Бангкоке. Этот весит 90 килограммов и украшен 2086 бриллиантами. Самый крупный - 25 карат.

- Откуда ты знаешь?!

- Я читал брошюру. Она лежит на входе.

Алиса покачала головой и продолжила осмотр. Артём тем временем заметил, что у одного из охранников - молодого кхмера в белой форме - расстёгнута верхняя пуговица. Он шепнул Саше: «Смотри. У него пуговица».

Саша посмотрел. Пуговица действительно была расстёгнута. Это было нарушение формы одежды. Машинально, как он делал это сотни раз на юридической работе, Саша подошёл к охраннику.

- Простите, - сказал Саша по-английски. - У вас пуговица расстёгнута. Хотите, я помогу?

Охранник замер. Его лицо не изменилось, но в глазах

мелькнуло что-то - удивление? гнев? страх? Саша, не осознавая, что он только что обратился к вооружённому представителю королевской гвардии с замечанием о форме одежды, сделал шаг вперёд. Охранник положил руку на кобуру. Не угрожающе - скорее рефлексивно. Но этого было достаточно, чтобы Алиса, видевшая всю сцену, прожила за секунду всю свою дипломатическую карьеру.

Она подбежала, сложила руки в вай - кхмерский почти-тотальный поклон - и сказала на кхмерском языке, единственную фразу, которую выучила заранее: «Сом тох, бонг. Кньом а-тэй тэ» - «Извините, старший брат. Мой друг не понимает. Он иностранец. Он болен».

Охранник перевёл взгляд с Саши на Алису. Секунда. Две. Три. Алиса продолжала улыбаться, хотя у неё дрожали колени. Саша стоял рядом, уже осознав, что произошло, и пытался вспомнить статью 437 Уголовного кодекса.

Наконец охранник улыбнулся. Застегнул пуговицу. И сказал по-английски, медленно, почти по слогам: «Скажите вашему другу: здесь не суд. Здесь - король. Пусть будет осторожен». Алиса выдохнула. Саша записал в блокнот: «Охранник - реакция: сдержанная. Рекомендация: в следующий раз - молчать». Анна сняла этот момент одним длинным кадром. «Это будет в трейлере "Юрист на грани"», - прошептала она.

Пока Саша приходил в себя после инцидента с охранником, Анна продолжала снимать. Она нашла идеальный ракурс в тронном зале - солнечный луч, падающий на золо-

той трон, и пылинки, танцующие в свете. Она сняла длинный, медленный кадр, понимая, что это будет один из лучших эпизодов фильма. Артём, который держал второй микрофон, тихо сказал: «Нейросеть говорит: "Эмоциональный окрас - благоговение. Рекомендация: снимать без комментариев"». Анна кивнула и продолжила.

В Серебряной пагоде она сняла золотого Будду и пол, выложенный серебряными плитками - пять тысяч плиток, каждая весит килограмм. Саша, оправившись от шока, подошёл и прочитал табличку: «Пол Серебряной пагоды - 5000 серебряных плиток. Вес каждой - 1 кг. Общий вес - 5 тонн». Артём присвистнул: «Пять тонн серебра под ногами. Это больше, чем мой сервер в дата-центре».

Артём, вооружившись нейросетью, анализировал архитектуру дворца. «Тронный зал - стиль классический кхмерский, с элементами французского колониального. Серебряная пагода - стиль тхеравада, с элементами индуистского. Статуя Изумрудного Будды... ой, простите, Золотого Будды - материал: золото 999-й пробы. Вес: 90 кг. Количество бриллиантов: 2086». Саша, услышав это, подошёл и проверил данные через свою брошюру. «Совпадает», - констатировал он. «Я знаю, - ответил Артём. - Нейросеть никогда не ошибается. Ну, почти никогда».

После павильонов команда вышла в Королевский сад - оазис тишины и зелени. Пруд с золотыми карпами, кусты бугенвиллии, пальмы, подстриженные в форме слонов. Алиса,

которая всё ещё переживала инцидент с охранником, села на скамейку и глубоко вздохнула. «Я чуть не поседела», - призналась она. «Но ты спасла меня», - сказал Саша, садясь рядом. «Я просто применила дипломатию. Ты же сам записал в блокнот: "В случае неудачи - обаяние Алисы"».

Саша открыл блокнот и прочитал: «Пункт четвёртый: применить дипломатию. Эффективность - 100%». Алиса улыбнулась. Они сидели у пруда, смотрели на золотых карпов и молчали. Анна сняла этот момент - не для фильма, а для себя. Иногда лучшие кадры - те, что не попадают в эфир.

После дворца команда перешла дорогу и села в маленьком кафе с видом на королевские ворота. Заказали пад-тай и кокосовую воду. Саша, прежде чем есть, проверил санитарный сертификат на стене (действителен) и записал в блокнот: «Кафе "Royal View" - пад-тай 8/10, кокос 10/10, вид 10/10». Алиса, жуя лапшу, сказала: «Знаете, что я поняла? Во дворце красиво. Но страшно. Потому что там всё по правилам. А мы не всегда умеем ходить по правилам». Саша поправил: «Мы умеем. Просто иногда правила слишком строгие. Как пуговица на форме охранника».

Вечером, в номере, Саша открыл Уголовный кодекс Камбоджи и перечитал статьи 437 и 438. «Оскорбление короля - до 10 лет. Неуважение к символам - до 5. Но есть нюанс: закон не определяет, что именно считается оскорблением. Это оставлено на усмотрение суда». Он записал в блокнот: «Правовая неопределённость - риск. Рекомендация: избегать лю-

бых действий, которые могут быть истолкованы». Артём, сидевший с ноутбуком, заметил: «Нейросеть говорит: "Юридические риски в Камбодже - высокие. Но команда справляется"». Саша кивнул и закрыл кодекс. Завтра их ждал Музей геноцида Туол Сленг. И это будет совсем другой день.

Ночью Алиса и Анна вышли на балкон. Город сиял огнями, Меконг тёк чёрной лентой, и где-то далеко играла музыка. «Сегодня было страшно, - сказала Алиса. - Но я рада, что мы здесь. Этот дворец, этот охранник, эта пуговица - это всё часть истории». Анна кивнула: «История - это не только храмы и закаты. Это ещё и моменты, когда мы чуть не попадаем в тюрьму». Алиса засмеялась. Сократ Младший на стене поймал очередного комара. Ночь была тёплой и тихой.

В соседнем номере Саша и Артём обсуждали завтрашний день. «Музей Туол Сленг, - сказал Саша. - Это бывшая школа, превращённая красными кхмерами в тюрьму. Там погибли тысячи людей. Анна сказала: без шуток. Я согласен». Артём кивнул: «Нейросеть говорит: эмоциональный фон будет тяжёлым. Рекомендация: быть готовыми». Саша записал в блокнот: «Завтра - день тишины. Протокол: без шуток. Без съёмок с улыбкой. Только правда». Артём закрыл ноутбук. Они легли спать, и снился им Королевский дворец - золотой, сияющий, с охранником, у которого была расстёгнута пуговица.

Утром, перед завтраком, Алиса заметила, что Сократ Младший сидит на том же месте, что и вчера. «Он вообще

двигается?» - спросила она Анну. «Двигается. Просто у него свой ритм. Гекконы - они как философы. Много наблюдают, мало суетятся». Алиса посмотрела на геккона и сказала: «Наверное, он прав. Зачем суетиться, если можно просто сидеть и смотреть на Меконг?» Анна улыбнулась и сняла Сократа крупным планом. «Это будет в финальных титрах», - сказала она.

Поздно вечером Саша дописал дневник. «День 4. Королевский дворец. Инцидент с охранником: урегулирован. Урок: молчать в присутствии королевской гвардии. Красота дворца: бесспорна. Риски: высокие, но преодолимые. Команда: справилась». Он закрыл блокнот и посмотрел на спящего Артёма. Завтра их ждал Музей геноцида - самый тяжёлый день экспедиции. Но это уже совсем другая история.

ДЕНЬ 5. МУЗЕЙ ГЕНОЦИДА ТУОЛ СЛЕНГ (S-21): ТИШИНА И ПАМЯТЬ

Завтрак в отеле «Золотая Пагода» начался в полной тишине. Срей Мао бесшумно расставляла тарелки с рисом, подносила чайник с зелёным чаем, но никто не произносил ни слова. Алиса сидела, уставившись в одну точку на скатерти, и пальцы её машинально сжимали ложку - так сильно, что побелели костяшки. Артём, который обычно уже к восьми утра успевал запустить три нейросетевых анализатора и выпить два кофе, сегодня даже не прикоснулся к ноутбуку. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел в окно,

за которым разгорался солнечный Пномпень - мотоциклы, тук-туки, дети в белых рубашках, спешащие в школу. Анна держала камеру на коленях, но объектив был закрыт крышкой. Саша, который всегда записывал даже свои сны, если они казались ему важными, держал блокнот закрытым. На его обложке ещё с вечера появилась надпись, сделанная простым карандашом: «S-21».

Это был пятый день их экспедиции, и все знали, куда они поедут через час. Никто не готовился к этому дню. Готовиться было невозможно.

Анна первой нарушила молчание, но голос её прозвучал так тихо, что его едва можно было расслышать за шумом вентилятора:

- Мы не снимаем улыбки сегодня. Мы не снимаем смех. Мы просто будем там. Это тоже часть страны. Может быть, самая важная часть, которую мы должны увидеть, чтобы понять, что такое Камбоджа на самом деле.

Она произнесла это, и слова повисли в воздухе, как тяжёлые капли перед грозой. Алиса медленно кивнула, но глаз не подняла. Она прокручивала в голове фотографии, которые видела в телефоне ещё в самолёте - чёрно-белые лица, железные кровати, горы черепов. Тогда они казались далёкими, почти абстрактными, как кадры из старого документального фильма. Теперь же она знала: через час она будет стоять в тех самых комнатах, где эти фотографии были сделаны.

- Я прочитала про это место, - прошептала она, обращаясь

скорее к себе, чем к остальным. - Фотографии... Они всё ещё стоят у меня перед глазами. Я думала, что привыкну за несколько дней. Но нет.

Артём попытался выдавить улыбку - просто чтобы разрядить обстановку, - но уголки его губ дрогнули и опустились. Он знал, что нейросети, которые он так любил, беспомощны перед такими вещами. Они могут подсчитать количество жертв, построить графики, найти закономерности в показаниях выживших. Но они не могут передать тот холод, который охватывает человека, когда он входит в здание бывшей школы, где вместо учеников пытали людей. Он провёл рукой по экрану ноутбука и тихо сказал:

- Я попробовал прогнать архивные данные через модель эмоционального анализа. Она выдала цифры: уровень стресса - 98%, травматичность - максимальная. Но это лишь цифры. А это... - он показал рукой в сторону окна, за которым уже виднелся силуэт музея, - это не цифры. Это то, что нельзя анализировать.

Срей Мао, которая всё это время стояла у стойки, делая вид, что перебирает чашки, наконец подошла к их столу. Она выглядела спокойной, но в глазах её стояла такая глубина, что Анна невольно подняла камеру, но так и не включила запись.

- Мой дядя был там, - сказала Срей Мао на своём ломаном, но понятном английском. - Он выжил. Он не любит говорить об этом, но, когда узнал, что вы собираетесь в музей,

он попросил меня передать вам одну вещь. - Она положила на стол сложенный листок бумаги, пожелтевший по краям. - Он сказал: «Расскажите о нас. Не для жалости. Для памяти. Чтобы те, кто придут после, знали, что это было на самом деле».

Анна взяла листок, развернула. Там было написано по-кхмерски и по-английски одно предложение, выведенное дрожащей рукой: «Мы были людьми. Мы остались людьми. Помните нас такими».

Саша открыл блокнот - впервые за это утро - и написал на чистой странице крупными буквами: «ДЛЯ ПАМЯТИ. БЕЗ ПРОТОКОЛОВ». Он закрыл блокнот и убрал его в рюкзак. Больше он не откроет его до вечера.

Анна встала из-за стола, взяла Сашу за руку и сказала:
- Идём. Мы не можем откладывать.

Тук-тук, который обычно вёз их с шумом, музыкой и смехом, сегодня двигался медленно и почти бесшумно. Водитель, молодой парень по имени Ратха, всегда рассказывал анекдоты и показывал на прохожих, отпуская шутки. Сегодня он молчал. Даже мотор, казалось, работал тише обычного. Алиса смотрела по сторонам, но не видела города. Она видела только те самые фотографии, которые навсегда впечатались в её память. Артём сидел с закрытыми глазами, и его пальцы сами собой рисовали в воздухе невидимые графики - он пытался отвлечься, но не получалось. Анна держала камеру на коленях, но объектив был направлен в пол.

Саша сидел прямо, как струна, и смотрел вперёд, туда, где за поворотом уже угадывались серые стены.

Город казался другим. Пномпень, который ещё вчера искрился золотом храмов и яркими вывесками, сегодня стал каким-то приглушённым, как будто даже небо знало, куда они едут, и приспустило свои яркие краски. Солнце всё так же светило, но его лучи не грели.

Когда тук-тук остановился, никто не шевелился несколько секунд. Перед ними было обычное школьное здание - двухэтажное, с длинными коридорами, с балконами и выцветшей жёлтой краской. Таких школ в Пномпене десятки. Но над воротами висела чёрная вывеска с белыми буквами: «Tuol Sleng Genocide Museum». А по верху забора тянулась колючая проволока, которая не давала забыть, что когда-то это место было тюрьмой.

Анна подняла камеру, но не включила запись. Она просто держала её в руках, как свидетельский протокол, который ещё не начали заполнять.

- Мы приехали, - сказала она. Голос её звучал ровно, но в нём слышалась такая усталость, будто она уже прожила здесь целую жизнь.

Алиса вышла из тука-тука и почувствовала, как её ноги подкашиваются. Она схватилась за плечо Саши, и тот, к его удивлению, не отдернул руку, а наоборот - крепко сжал её ладонь.

- Пункт первый... - начал Саша по привычке, но тут же

осекся. - Протокола нет. Просто идём. Я рядом.

И они вошли.

У входа их встретила металлическая табличка на четырёх языках - кхмерском, английском, французском и японском. Саша прочитал её про себя, хотя обычно всегда читал вслух для отчёта. Текст был коротким: «Пожалуйста, соблюдайте тишину. Не фотографируйте со вспышкой. Не улыбайтесь. Здесь покоятся души невинных». Слова «не улыбайтесь» зацепили его больше всего. Он понял, что улыбнуться здесь действительно невозможно - даже случайно, даже нервно. Мышцы лица отказывались подчиняться.

Внутри было темно и прохладно - неестественная прохлада, которая не приносила облегчения, а наоборот, заставляла кожу покрываться мурашками. Длинные коридоры, выкрашенные в бледно-жёлтый цвет, уходили вглубь. Классные комнаты, когда-то наполненные детскими голосами, теперь были превращены в камеры. В каждой стояла железная кровать с ржавыми прутьями, на стене висели кандалы, а над кроватью - фотография человека, который здесь, когда-то сидел. Тысячи фотографий. Тысячи лиц.

Анна остановилась у первой же фотографии. На ней был молодой парень лет девятнадцати с короткой стрижкой и испуганными глазами. Подпись гласила: «Ванна. Ему было 19». Анна подняла камеру, навела объектив, но палец так и не нажал на кнопку записи. Она смотрела на парня, и ей казалось, что он смотрит на неё в ответ - сквозь десятилетия,

сквозь плёнку, сквозь стекло.

- Я не могу, - прошептала она, опуская камеру. - Я не могу просто снимать. Это не кадр. Это...

- Не надо, - сказал Артём, подходя к ней. - Просто запомни. Это всё, что мы можем сделать.

Они стояли в тишине, и тишина была оглушительной. Где-то вдалеке слышались шаги других посетителей, но они казались приглушёнными, как будто шли через вату

Они пошли по коридору. Алиса держалась за Сашу, и её пальцы впивались в его руку с такой силой, что он чувствовал боль, но не говорил ни слова. В одной камере они увидели цепь, прикрепленную к полу, - толстую, ржавую, с замком. В другой - кирпичную стену, которую заключённые сложили собственными руками, чтобы замуровать отверстие в стене. В третьей - пыточный стол, покрытый тёмными пятнами, которые уже никто не мог отмыть. Над ним висела табличка: «Здесь проводились допросы».

Артём остановился у витрины, где были разложены инструменты пыток: плоскогубцы, ножи, электрические провода, паяльники. Он смотрел на них, и его лицо стало серым, как бетонные стены вокруг. Он не плакал - он просто стоял и смотрел, покачиваясь, как будто его шатало от невидимого ветра.

- Я не буду это снимать, - сказал он, обращаясь скорее к самому себе. - Это не нужно снимать. Это нужно помнить. Но не показывать, как шок. Показывать, как правду.

Анна взяла его за руку и ждала. Она ничего не сказала, но её жест был красноречивее любых слов.

Саша стоял у стены, на которой были развешаны сотни фотографий. Мужчины, женщины, старики, дети - все сфотографированы анфас и в профиль, как уголовники. Под каждой - имя и дата. Он пошёл вдоль стены, читая имена. Сначала вслух, потом шёпотом, потом просто шевеля губами. Он не записывал их - он пытался запомнить. Каждое имя было человеком. Каждый человек был чьим-то братом, сестрой, отцом, матерью. Он знал, что не сможет запомнить всех, но он должен был попытаться.

Алиса подошла к нему и обняла со спины, положив голову ему на плечо.

- Не надо, - прошептала она. - Ты не можешь запомнить всех. Ты сойдёшь с ума.

- Я могу попытаться, - ответил он, не оборачиваясь. - Это единственное, что я могу сделать. Помнить.

В одной из комнат висел список правил тюрьмы S-21 - десять пунктов, напечатанных на машинке на кхмерском языке и переведённых на английский. Саша подошёл ближе и начал читать вслух, но голос его становился всё тише с каждым словом:

- Пункт первый: не разговаривать. Пункт второй: не смотреть по сторонам. Пункт третий: не плакать. Пункт четвёртый: не молиться. Пункт пятый: не сопротивляться. Пункт шестой: не есть без разрешения. Пункт седьмой...

Он замолчал, потому что дальше читать было невозможно. Алиса стояла рядом, и по её щекам текли слёзы - молча, без звука, потому что плакать здесь было запрещено даже спустя сорок лет. Анна подняла камеру и сняла список правил одним длинным, медленным кадром, стараясь запечатлеть каждую букву, каждую запятую. Она не стала говорить, что это войдёт в фильм, - она просто снимала, потому что чувствовала: это нужно сохранить.

Саша закрыл глаза и прошептал:

- Я думал, что знаю, что такое несправедливость. Я ошибался. Это не просто несправедливость. Это отрицание человечности. И они пытались сделать это системой.

Они вышли во внутренний двор. Это был такой же школьный двор, как в любой другой школе мира: деревья, скамейки, качели и песочница. Только здесь вместо детей были камеры. Качели стояли в углу - деревянные, когда-то выкрашенные в жёлтый цвет, но теперь облупившиеся. Рядом - песочница, давно заросшая травой. До 1975 года здесь играли дети. Потом пришли красные кхмеры и превратили классы в камеры, а учителей - в заключённых.

Алиса села на скамейку у песочницы и закрыла лицо руками. Её плечи вздрагивали, но она не издавала ни звука.

- Я не могу, - прошептала она, когда Анна села рядом. - Я не могу представить, как здесь смеялись дети. А потом здесь умирали люди. И никто не знал. Никто не остановил их.

Анна обняла её за плечи и притянула к себе.

- Мы не должны это понимать, - сказала она. - Мы должны помнить. Этого достаточно.

Саша стоял у качелей и смотрел, как ветер качает пустое сиденье, едва заметно, почти невесомо. Он закрыл глаза и представил, как здесь бегают ребяташки, как звенит звонок на перемену, как учительница ведёт урок. А потом - как всё это обрывается в один день. Он запомнил этот момент без блокнота, без записей. В его памяти навсегда осталась картина: пустые качели, которые больше никогда не будут качать детей.

Последний зал музея был самым большим. Это был прямоугольный зал с высокими потолками, где на стенах висели фотографии всех заключённых, прошедших через S-21. Тысячи лиц. Мужчины, женщины, старики, дети. Все сфотографированы анфас и в профиль - стандартная процедура регистрации. Среди них были люди в очках, в шляпах, с цветами в волосах, с улыбками на лицах - те, кто ещё не знал, что их ждёт. Анна шла вдоль стен и снимала медленно, плавно, почти благоговейно. Она знала: этот материал станет сердцем фильма. Не храмы, не дворцы, не смешные обезьяны. Вот это. Лица. Имена. Память.

Артём стоял в центре зала и медленно поворачивался вокруг своей оси, пытаясь охватить взглядом все эти лица.

- Их семь тысяч, - прошептал он. - Только тех, кто прошёл через эту тюрьму. А всего в Камбодже погибло почти два миллиона. Два миллиона человек. Это невозможно осознать.

Но это правда.

Саша подошёл к одной из фотографий и долго смотрел на неё. Это была молодая женщина с длинными вьющимися волосами, с тонким лицом и большими, чуть испуганными глазами. Она улыбалась, но в улыбке была тревога. Подпись гласила: «Сокха. 24 года».

- Она знала, - сказал Саша. - Она знала, что умрёт. Но она улыбнулась для фотографии. Почему?

Алиса подошла и взяла его за руку.

- Потому что она была человеком, - ответила она. - И она хотела, чтобы её запомнили такой. А не как жертву. Как человека.

Саша кивнул и закрыл глаза. Он понял это впервые в жизни. Память - это не только боль. Это ещё и достоинство.

Они вышли из музея, когда солнце уже стояло в зените. Они сели на ступени у входа, и никто из них не мог говорить. Анна отложила камеру, Артём выключил нейросеть, Саша держал закрытый блокнот на коленях, а Алиса сидела, обхватив колени руками, и смотрела на дорогу. Тук-туки проезжали мимо, люди шли по своим делам, дети смеялись, где-то неподалёку - и это казалось невероятным, почти кошмарным. Как можно смеяться, когда через стену лежат тысячи мёртвых?

Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса.

Наконец Анна заговорила. Голос её звучал устало, но твёрдо:

- Мы не можем снимать только храмы и улыбки. Это было бы фейком. Настоящая Камбоджа - она вот такая. Она включает в себя и это. И если мы хотим рассказать правду, мы должны показать всё.

- Я понял это сегодня, - сказал Саша, не поднимая головы.
- Правда не всегда красива. Но она всегда важна.

Алиса вытерла глаза, встала и посмотрела на музей, который остался у них за спиной.

- Давайте снимем минуту молчания, - сказала она. - В эфире. В начале фильма. Чтобы зрители знали, с чем мы столкнулись.

- Да, - согласилась Анна. - Это будет правильно.
- И в конце, - добавил Артём. - Чтобы помнили. Каждый раз, когда они будут смотреть наш фильм.

Они встали и повернулись лицом к музею. Никто не произнёс ни слова. Минута молчания длилась ровно шестьдесят секунд, но каждому из них показалось, что прошла целая вечность. В тишине слышалось только дыхание и где-то далеко - гул мотоциклов.

Когда они сели в тук-тук, чтобы вернуться в отель, Анна сказала:

- Сегодня мы видели ад. Но мы видели и людей, которые выжили. Которые помнят. Которые рассказывают. И это даёт надежду.

Артём добавил:

- Я понял, что нейросеть не может это обработать. И это

правильно. Некоторые вещи нельзя анализировать. Их можно только чувствовать.

Они ехали в тишине, но это была уже другая тишина - не гнетущая, а очищающая. Когда они вошли в отель, Срей Мао встретила их у входа с чайником в руках. Она ничего не спросила, просто налила каждому по чашке горячего чая и тихо сказала:

- Вы сделали правильную вещь. Мой дядя будет рад.

Сованн приехал через час. Узнав, что они были в музее, он пришёл в отель и обнял каждого. Он не плакал, но в его глазах стояла такая благодарность, что Саша невольно открыл блокнот и записал одно-единственное слово: «Поняли».

Ночью они сидели на балконе и смотрели на Меконг. Река текла, как время, не останавливаясь. Анна сказала:

- Мы покажем это в фильме. Не для шока. Для понимания. Чтобы те, кто увидит, никогда не забыли, что может случиться, если позволить ненависти править миром.

Они сидели в тишине, и каждый думал о своём. О тех лицах, которые они запомнили. Об именах, которые они не напишут. О том, что они стали другими.

И завтра их ждал новый день. Но сегодня они были там, где нужно было быть.

ДЕНЬ 6. РУССКИЙ РЫНОК: НОСТАЛЬГИЯ, КОТОРАЯ ЛЕЧИТ

Утро после музея было странным. Команда проснулась

позже обычного, и даже Алиса, которая обычно вставала первой, долго лежала с открытыми глазами, глядя в потолок. Вчерашний день оставил в душе глубокий след, но сегодня у них был другой план. Анна ещё за завтраком, когда все собрались за столом, объявила:

- Сегодня мы едем на Русский рынок. Местные называют его Псар Туоль Том Понг, но туристы знают как Russian Market. Там до сих пор продают вещи из советского времени. Значки, часы, пионерские галстуки. Мы снимем репортаж о русском следе в Камбодже.

- Я подготовил историческую справку, - Саша открыл блокнот, и на его лице впервые за два дня появилась тень деловой сосредоточенности. - Рынок назван в честь русских инженеров, которые помогали отстраивать Пномпень в восьмидесятых, после окончания войны. Тогда здесь был дефицит всего, и советские специалисты привозили с собой вещи. Постепенно образовался рынок, где можно было купить всё - от сгущёнки до запчастей для «Жигулей».

- Ты выучил историю рынка наизусть? - спросила Алиса, намазывая джем из манго на тост. В её голосе слышалась лёгкая усмешка, но глаза ещё хранили вчерашнюю печаль.

- Да. И я подготовил протокол, - Саша перелистнул страницу и прочитал: - Пункт первый: не покупать поддельные советские ордена - это может быть расценено как незаконный оборот наград. Пункт второй: проверять сертификаты на антиквариат. Пункт третий: не спорить с продавцами о

подлинности - они всё равно не признаются. Пункт четвёртый: фиксировать каждую покупку с указанием цены и эмоциональной ценности.

- Ты написал протокол для ностальгического шопинга?!
- Артём оторвался от своего ноутбука, где он уже запускал программу распознавания изображений, и уставился на Сашу с искренним изумлением.

- Да. Ностальгия - это эмоция. Эмоции нужно контролировать, особенно если мы снимаем документальный фильм, а не художественный.

Анна сняла их диалог, и впервые за долгое время в её голосе появилась привычная легкость:

- День шестой. Мы едем на Русский рынок. У Саши - протокол. У Алисы - надежда найти что-то красивое. У Артёма - нейросеть, готовая распознавать советские артефакты. Поехали.

Тук-тук вёз их через утренний Пномпень, и на этот раз город казался другим - не серым, как вчера, а живым, шумным, полным красок. Продавцы фруктов выкрикивали цены, дети махали руками из окон, и даже солнце светило ярче. Алиса смотрела по сторонам и впервые за несколько дней улыбалась.

Когда они вышли из тук-тука, воздух ударил в лицо смесью старого дерева, жареных бананов, благовоний и пыли. Но был в этом запахе ещё один оттенок, который Алиса не могла сразу опознать. Она принюхалась - и вдруг замерла.

Это был запах её детства. Бабушкиного шкафа, где лежали старые фотографии и пахло нафталином. Дедушкиного гаража, где пахло маслом, металлом и бензином. Она не ожидала этого здесь, в центре Пномпеня, среди кхмерских вывесок и влажной жары.

Русский рынок был лабиринтом. Узкие проходы, заставленные прилавками, терялись в полумраке. Здесь продавалось всё: от армейских фляг до статуэток Ленина, от пионерских галстуков до старых радиоприёмников. Матрёшки соседствовали с кхмерскими шелками, советские значки - с буддийскими амулетами. И над всем этим витал тот самый запах - запах старого дерева, металла и времени.

Алиса пошла первой, и её руки сами тянулись к вещам, которые она узнавала с детства. Вот значок ГТО - такой же носил её дедушка, который всю жизнь проработал инженером на заводе. Вот пионерский галстук - красный, с металлическим значком на конце, - такой же был у мамы на школьной фотографии. Вот часы «Победа» с белым циферблатом - как у отца, который никогда не снимал их до самой смерти.

Она взяла часы в руки и перевернула. Стрелки застыли на полудне, а стекло было покрыто мелкими царапинами. Она поднесла их к уху - механизм молчал.

- Они не работают, - сказала она продавцу, пожилому кхмеру с седыми усами и добрыми морщинами вокруг глаз. Продавец улыбнулся и ответил на ломаном русском:
- Работают. Просто им нужно время. Как людям. Некото-

рые вещи не умирают, они ждут.

Алиса заплатила за часы десять долларов - цена была смешной, но она чувствовала, что покупает не просто старый хронометр, а кусочек своей семьи. Она повесила часы на шею, как кулон, и пошла дальше.

Анна, стоявшая рядом с камерой, заметила, как у Алисы дрожат пальцы, но не стала комментировать. Она просто снимала - тихо, уважительно, не вторгаясь в личное пространство.

Артём, который в отличие от Алисы не был настроен на ностальгию, ушёл в дальний угол рынка, где пахло озоном, старой пластмассой и нагретым металлом. Там, среди старых телефонов, калькуляторов и радиоприёмников, он увидел его. На прилавке, покрытом пылью, лежал серый пластиковый корпус с надписью «Электроника МК-85». Артём замер. Он читал про эту модель - советский микрокомпьютер, выпущенный в 1986 году, - но никогда не видел его вживую. Он знал о нём всё: 6 КБ оперативной памяти, процессор КР580ВМ80А, 32 символа на экране, язык программирования Бейсик. Он смотрел видео на YouTube, читал форумы, но держать в руках настоящий экземпляр - это было совсем другое.

Он взял компьютер в руки. Пластик был тёплым от жары, на задней крышке виднелась потёртая надпись «Сделано в СССР», а на экране - едва заметные следы от пальцев. Кто-то держал его раньше. Кто-то печатал на нём. Кто-то учился

программировать так же, как Артём учился на своём первом компьютере - стареньком «Пентиуме», который его отец принёс из офиса. Он закрыл глаза на секунду и представил: тот человек, может быть, такой же мальчик, как он когда-то, сидел вечером в комнате, включив настольную лампу, и писал код. А потом пришла война, красные кхмеры, и компьютер оказался здесь, на рынке, в руках чужого человека.

- Откуда это у вас? - спросил Артём продавца, старого кхмера с седыми бровями и очками в толстой оправе.

- Из России. Мой брат работал с русскими инженерами в восьмидесятых. Они подарили ему этот... э-э-э... компьютер. «Очень редкая вещь», - продавец говорил медленно, подбирая слова на ломаном английском.

- Он работает?

- Работал. Сейчас не знаю. Батарейки надо менять. Но даже если не работает, он всё равно ценность. История.

Артём повертел компьютер в руках. Он был тяжёлым, чуть поцарапанным, но целым. На задней крышке виднелась дата выпуска - 1988 год. Артём почувствовал, как сердце забилось быстрее, как в детстве, когда он впервые увидел компьютер в магазине.

- Сколько? - спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

- Пятьдесят долларов.

- Двадцать, - сказал Артём, хотя готов был отдать любую цену.

- Сорок.

- Тридцать.

- Тридцать пять, - продавец улыбнулся, и в его глазах мелькнула хитринка. - Последняя цена.

- По рукам, - Артём вытащил деньги и протянул их продавцу, даже не проверив сдачу. Он прижал компьютер к груди и прошептал: - Это лучшая покупка в моей жизни.

Саша, который стоял рядом и снимал этот момент на свой диктофон, заметил:

- Ты не проверил, работает ли он.

- Неважно, - ответил Артём, не отрывая взгляда от компьютера. - Он уже работает. Воспоминаниями.

И впервые за всю экспедицию Артём отключил нейросеть на своём телефоне. Он просто держал в руках кусок своего прошлого, и ему не нужны были никакие алгоритмы, чтобы понять ценность этой вещи.

Саша, который следил за тем, чтобы команда не разбрелась слишком далеко, сам увлёкся поисками. Он нашёл книжный прилавок в самом конце рынка, заваленный потрепанными путеводителями, детективами на французском и старыми журналами. Среди них лежала небольшая брошюра в синей обложке - настолько потёртой, что название едва читалось. Он взял её в руки и сразу узнал: Конституция СССР 1977 года. На кхмерском языке. Он открыл её и увидел штамп библиотеки на титульном листе, чей-то карандашный подчерк на полях и следы пальцев на страницах.

Брошюра пахла старой бумагой и пылью, но была в хорошем состоянии - все страницы на месте, переплёт не разваливался.

- Откуда это? - спросил Саша продавца, старого кхмера в очках с толстыми стёклами.

- Из Пномпеня, - ответил тот. - Здесь была советская библиотека. Когда Союз развалился, книги распродали. Эта - последняя. Больше нет, - он развёл руками, как будто извиняясь за утрату.

Саша листал страницы, и каждая из них была свидетельством того, что одна эпоха закончилась, а другая началась. Он думал о том, как эта брошюра пережила войну, голод, смену режимов - и как она оказалась здесь, в его руках, спустя почти сорок лет. Он вспомнил свои университетские лекции по сравнительному правоведению, где они обсуждали советские конституции, но это была теория. А здесь - живой артефакт.

- Сколько? - спросил он.

- Десять долларов.

Саша, который всегда торговался до последнего цента, на этот раз молча заплатил. Он прижал книгу к груди и сказал:

- Это для сравнительного правоведения.

Но все, кто стоял рядом, понимали: не только для этого. Алиса положила руку ему на плечо и тихо сказала:

- Ты только что купил кусок истории. Настоящей.

Саша кивнул и убрал книгу в рюкзак, рядом с блокнотами.

Впервые они соседствовали не с протоколами, а с памятью.

Анна, которая снимала рынок, прошла мимо прилавков с сувенирами, мимо старых книг и монет и остановилась у маленького столика, где сидел старик. Он продавал старые открытки - пожелтевшие, с видами советских городов, с надписями на русском языке, которые уже никто не мог прочитать. Анна подошла и спросила:

- Вы помните русских?

Старик поднял голову. Ему было за восемьдесят, его лицо было покрыто глубокими морщинами, как карта давно исчезнувшей страны. Но глаза его блестели, и в них читалась живая искра.

- Конечно, - сказал он на ломаном английском, но с сильным русским акцентом. - Они строили мосты. Пили много, но строили крепко. Один инженер, дядя Коля, научил меня считать до десяти по-русски.

Он сложил пальцы и начал считать, медленно, с трудом вспоминая:

- Адын... два... тры... четырэ... пят... шест... - он сбился, засмеялся и махнул рукой. - Я забыл. Но дядя Коля помнил всё. Он говорил: «Ванна, если забудешь, как считать, вспомни - Россия всегда с тобой». Он уехал в девяносто первом. Я больше никогда его не видел.

Анна смотрела на старика, и в его голосе слышалась такая глубокая тоска, что она опустила камеру. Она не стала снимать его лицо крупным планом - это было бы слишком

интимно. Но она записала его рассказ на диктофон.

- Как его звали? - спросила она.

- Николай, - ответил Ванна. - Я до сих пор помню его улыбку. И его водку. Ужасная вещь, но мы пили за дружбу. Он учил меня пить, учил считать, учил работать. Он был хороший человек.

Анна записала это в свой блокнот - не для отчёта, для себя. Она думала о том, как люди уезжают и оставляют следы. И как иногда следы становятся важнее тех, кто их оставил.

В углу рынка, у прилавка с матрёшками, Алиса заметила женщину лет шестидесяти. Она была в соломенной шляпе, с фотоаппаратом на шее, и держала в руках матрёшку - самую большую из всех, что были на прилавке. Она не покупала её - она смотрела на неё, и по её щекам текли слёзы. Алиса, проходя мимо, остановилась.

- Вы в порядке? - спросила она на русском, потому что женщина выглядела совершенно по-русски.

Женщина обернулась, и её лицо было мокрым от слёз.

- Извините, - сказала она, вытирая глаза тыльной стороной ладони. - Просто... у меня в детстве была такая же. Бабушка подарила. А потом она потерялась, когда мы переезжали. И вот, через сорок лет, я нашла её здесь, в Камбодже. Это чудо.

Алиса не знала, что сказать. Она стояла и смотрела, как женщина гладит матрёшку, как её пальцы касаются выцветшей краски на дереве - красные щёки, жёлтый платок, синие глаза. Это была не просто игрушка. Это была память. Жен-

щина заплатила за матрёшку десять долларов и сказала:

- Я покажу её внучке. Пусть знает, откуда мы. И кто мы.

Алиса обняла её. Она не знала эту женщину, но в этот момент они были связаны общей историей - историей потерь и находок, которая повторялась в каждой семье, в каждой судьбе. Анна сняла этот момент - не крупным планом, а издалека, чтобы не спугнуть, чтобы сохранить естественность. И в этом кадре было больше правды, чем в любом другом за весь день.

К обеду команда проголодалась, и запах, доносившийся из центра рынка, привёл их к небольшой закусочной, где пожилая кхмерка по имени Мали готовила что-то на воке. Саша принюхался и замер - это был борщ. Настоящий, русский борщ, со свёклой, капустой и сметаной.

- Откуда у вас борщ? - спросил он, подходя к прилавку.

Мали, женщина с добрыми глазами и седыми прядями в чёрных волосах, засмеялась:

- Меня научила русская подруга. Мы вместе работали на заводе. Я добавила лемонграсс и немного чили. Получился кхмерский борщ. Попробуйте!

Они сели за пластиковый стол, и перед каждым поставили миску с супом. Суп был странным - сладковатым от лемонграсса, с острой ноткой чили, но в нём чувствовался тот самый вкус, который они все знали с детства: свёкла, капуста, укроп. Алиса ела и не могла сдержать слёз. Она не плакала - просто слёзы текли сами собой, потому что этот суп пах до-

мом, пах бабушкой, пах тем, что осталось там, за тысячами километров.

- Я не могу, - прошептала она. - Это как дом. Но другой дом. Чужой и родной одновременно.

Артём, который обычно анализировал каждое блюдо на состав и калорийность, просто ел молча, с закрытыми глазами. Саша не проверял санитарный сертификат - он просто наслаждался вкусом. Анна снимала пар, поднимающийся над мисками, и думала о том, как еда может быть связью между мирами.

Мали села рядом с ними и сказала:

- Моя подруга, её звали Таня, научила меня не только готовить. Она научила меня дружить. Она говорила: «Мали, еда - это любовь. Когда ты готовишь для кого-то, ты отдаёшь ему часть себя». Я готовила для неё, она готовила для меня. Мы были как сёстры.

Алиса взяла её за руку.

- Таня была права, - сказала она. - Спасибо тебе за этот суп.

И в этом простом жесте было больше смысла, чем в любых словах.

После обеда они снова разошлись по рынку. Артём, вдохновлённый покупкой компьютера, не мог остановиться. Он нашёл прилавок с радиоприёмниками и увидел «Ригу» - старый советский транзистор, чёрный, с круглыми ручками и потрескавшейся сеткой динамика. Продавец, молодой па-

рень, включил его, и из динамика зазвучала кхмерская попса - пронзительная, весёлая, с синтезаторными аккордами.

- Работает! - воскликнул Артём. - Как?!

- Магия, - ответил продавец с улыбкой. - Советская техника не ломается.

Артём купил приёмник за пятнадцать долларов и сказал:

- Я разберу его и посмотрю, как он устроен. Может быть, это поможет мне понять, почему советская техника работала вечно.

Саша, проходя мимо, заметил это и записал в блокнот: «Радиоприёмник "Рига" - цена 15 долларов. Цель: исследование».

Алиса тем временем нашла прилавок с шёлком. Здесь продавали платки, шарфы, отрезные ткани - все ручной работы, с замысловатыми узорами. Она выбрала шарф из золотистого шёлка с узором в виде цветов лотоса - нежного, почти прозрачного. Продавщица, молодая кхмерка с добрыми глазами, сказала:

- Это ткала моя бабушка. Она училась у своей бабушки. Наш род делает шёлк триста лет.

Алиса купила шарф за двадцать долларов, не торгуясь. Саша записал в блокнот: «Шарф - цена 20 долларов. Скидка - 0%. Причина: уважение к традиции». Алиса надела шарф и покрутилась перед маленьким зеркалом, висевшим на столбе.

- Я похожа на кхмерскую принцессу? - спросила она.

- На русскую принцессу в кхмерском шёлке, - ответила Анна, продолжая снимать.

На одном из прилавков Саша заметил орден Красной Звезды. Он лежал среди старых монет и значков, тускло поблёскивая красной эмалью. Саша взял его в руки и внимательно осмотрел.

- Это подлинный? - спросил он продавца.

Продавец энергично закивал:

- Да, да! Из России! Настоящий!

Саша повертел орден в руках, провёл пальцем по краю, затем заглянул на обратную сторону.

- Клеймо отсутствует, - сказал он. - Это копия. Продажа копий государственных наград не запрещена, но должна сопровождаться указанием «копия». У вас нет указания.

Продавец пожал плечами:

- Хочешь - бери, хочешь - не бери. Тебе виднее.

Саша положил орден обратно на прилавок. Он не стал покупать его, но записал в блокнот: «Орден Красной Звезды - копия без маркировки. Юридический риск: средний. Рекомендация: не покупать».

Артём, наблюдавший эту сцену, заметил с улыбкой:

- Ты только что отказался от ордена. Ты понимаешь, что это, возможно, единственный случай в твоей жизни, когда тебе предлагали награду?

Саша подумал и ответил:

- Я предпочитаю получать награды законным путём.

Анна рассмеялась - впервые за весь день.

К вечеру, когда солнце начало клониться к закату, команда собралась у выхода с рынка. У каждого в руках были пакеты с покупками: у Алисы - часы и шёлковый шарф, у Артёма - компьютер и радиоприёмник, у Саши - Конституция и несколько старых открыток, которые он купил у Ванны, у Анны - кассета с записями и маленькая статуэтка Ленина, которую она прикупила для иронии.

Они сели в тук-тук и поехали обратно в отель. По дороге Алиса сказала:

- Сегодня я поняла, что прошлое не всегда боль. Иногда это добрые воспоминания, которые ждут, чтобы их нашли.

Артём добавил:

- И ещё я понял, что ностальгия - это не слабость. Это способ соединить прошлое с настоящим. И это может быть очень сильным.

Саша достал блокнот и записал их слова. Затем он закрыл его и убрал в рюкзак.

Когда они вернулись в отель, их уже ждал Сованн. Увидев покупки, он улыбнулся широкой, тёплой улыбкой.

- Вы нашли русский след, - сказал он. - Это хорошо. Моя первая учительница была русской. Её звали Татьяна. Она научила меня читать. Я до сих пор помню её голос.

Он взял в руки «Электронику», которую купил Артём, и провёл пальцем по клавишам.

- У моего отца была такая. Он работал с русскими инже-

нерами. Это было хорошее время. Трудное, но хорошее.

Срей Мао принесла чай и манго. Увидев шёлковый шарф Алисы, она одобритительно кивнула:

- Хороший шёлк. Три поколения ткачей. Это ценность.

Ночью они сидели на балконе и смотрели на Меконг. Река текла, как время, не останавливаясь. Анна сказала:

- Сегодня мы прикоснулись к прошлому. Не к тому страшному, что было в музее, а к другому - светлому, тёплому. К тому, как люди помнят добро. И это тоже часть Камбоджи.

Алиса кивнула:

- Я держала в руках часы, которые носил мой отец. И они не работали. Но я почувствовала его тепло. Как будто он был здесь.

Артём добавил:

- Этот компьютер не работает. Но я знаю, что кто-то учился на нём программировать. Может быть так же, как я. И это связывает нас.

Саша закрыл блокнот и сказал:

- Я записал: «Русский рынок - место, где встречаются две культуры. И обе помнят». И это главное.

Они сидели в тишине, и каждый думал о своём. О домах, которые остались в прошлом. О людях, которых они потеряли. И о тех, кого они нашли здесь, на русском рынке, среди старых вещей и новых воспоминаний. Это был хороший день. Тёплый, светлый, наполненный смыслом.

ДЕНЬ 7. НАБЕРЕЖНАЯ СИСОВАТ, УЛИЧНАЯ ЕДА И ВСТРЕЧА С ДИМОЙ

На седьмой день их экспедиции Анна объявила за завтраком, что сегодня никаких планов нет.

- Мы просто гуляем, - сказала она. - Смотрим, слушаем, дышим. Камбоджа не только музеи и рынки. Камбоджа - это её улицы, её люди, её еда.

Алиса обрадовалась:

- Наконец-то! Я уже устала от расписаний. Давайте просто пойдём туда, куда глаза глядят.

- Глаза глядят на набережную Сисоват, - сказал Артём, открыв карту на телефоне. - Там есть уличные рынки, кафе, а вечером - огни и музыка.

Саша взял свой блокнот, но Алиса выхватила его у него из рук.

- Сегодня без протоколов! - объявила она. - Сегодня мы отдыхаем.

- Но как же я всё запомню? - возмутился Саша.

- Запомнишь сердцем, - ответила Анна. - На один день без записей - и мир не рухнет.

Саша сдался, но тайком сунул блокнот в карман - на всякий случай.

Они вышли из отеля и направились к набережной. Пномпень просыпался под жарким солнцем, но утренняя свежесть ещё держалась в тени пальм. Набережная Сисоват тянулась вдоль Меконга - широкая, с пальмовыми аллеями, лавочка-

ми и видом на реку. По ней прогуливались местные жители, туристы, бегали дети с воздушными змеями. Туки-туки сигналили друг другу, продавцы мороженого катили тележки, а в воздухе витал запах жареного риса и рыбы.

Алиса сразу побежала к парапету и устоялась на воду.

- Смотрите! - крикнула она. - Рыба! Огромные! - она показала на сомов, которые лениво плавали в мутной воде.

- Они тут как домашние, - сказал Артём, подходя ближе. - Местные их подкармливают. Считают, что это приносит удачу.

Анна включила камеру и начала снимать панораму - река, пальмы, дети, лодки. Она чувствовала, что этот кадр будет светлым контрастом к тому, что они видели в музее.

Они прошли мимо небольшого храма, стоявшего прямо на набережной. Внутри горели благовония, и старушка в белом одеянии раздавала рисовые лепёшки прохожим. Саша хотел было спросить о значении обряда, но вовремя вспомнил, что сегодня без протоколов, и просто улыбнулся старушке. Она улыбнулась в ответ и протянула ему лепёшку - горячую, хрустящую, пахнущую кокосом.

Саша взял, поблагодарил и откусил. Вкус был необычным - сладким и солёным одновременно.

- Это блинчики с пальмовым сахаром, - объяснил подошедший Сованн. - Их дают на удачу. Если съешь, весь день будет хорошим.

- Откуда ты взялся? - удивилась Алиса.

- Я слежу за вами, - засмеялся Сованн. - Но в хорошем смысле. Сегодня у меня выходной, и я подумал: почему бы не провести его с вами?

Они пошли дальше. Сованн показывал на здания, рассказывал истории: вот здесь раньше был французский колониальный особняк, а теперь - министерство; здесь, в восьмидесятых, стояли советские грузовики; а за тем углом живёт старый художник, который рисует только слонов.

- Он рисует слонов уже пятьдесят лет, - сказал Сованн. - Говорит, что каждый слон - это человек, в которого он хотел бы превратиться.

- Мудро, - заметил Артём. - Может, нам стоит взять у него интервью?

- Если хотите, я договорюсь, - предложил Сованн. - Но не сегодня. Сегодня - день отдыха.

Они вышли к уличным рынкам, где продавали всё - от свежих фруктов до жареных насекомых. Алиса с любопытством разглядывала прилавки, на которых лежали скорпионы на палочках, засахаренные тарантулы и жареные личинки.

- Ты серьёзно это ешь? - спросила она Сованна.

- Конечно, - ответил он. - Это белок. И вкусно, если правильно приготовить. Хочешь попробовать?

- Нет, - отрезала Алиса. - Я лучше возьму манго.

Саша, наоборот, подошёл ближе и стал изучать тарантулов с научной точки зрения.

- Интересно, - сказал он. - В Камбодже их едят с семидесятих годов, когда был голод. А теперь это стало деликатесом.

- Хочешь попробовать? - поддразнил его Артём.

- Я бы предпочёл исследовать состав, - Саша достал блокнот, но Алиса тут же выхватила его.

- Нет! Сегодня без записей! - она спрятала блокнот в свою сумку.

Саша вздохнул, но сдался.

Они купили по манго и пошли дальше. Сованн рассказывал о том, как жить в Камбодже - о ценах, о работе, о том, как здесь относятся к иностранцам.

- Главное - не бояться, - сказал он. - И улыбаться. Камбоджийцы чувствуют улыбку. Если вы улыбаетесь, вы свой.

- Мы уже поняли, - сказала Анна. - За эту неделю мы улыбались больше, чем за последний год в Москве.

Они подошли к маленькой закусочной, где прямо на улице стояли пластиковые столики и скамейки. Пахло жареным луком, мясом и соевым соусом. Сованн сел и заказал что-то у хозяйки, пожилой женщины, которая готовила на огромной сковороде.

- Это местный деликатес, - сказал он. - Лапша с говядиной и лягушачьими лапками. Очень вкусно.

- Лягушки? - Алиса скривилась. - Опять?

- Поверь, тебе понравится, - сказал Сованн. - Они хрустящие и нежные одновременно.

Через несколько минут перед ними поставили огром-

ные тарелки. Лапша, политая густым соусом, кусочки мяса, и действительно - маленькие хрустящие лягушачьи лапки. Алиса с опаской взяла вилку, отломил кусочек, попробовала.

- Ничего так, - сказала она с удивлением. - Напоминает курицу. Только более... экзотичную.

Артём с аппетитом поглощал порцию, не забывая комментировать:

- Идеальное сочетание: белок, клетчатка, специи. Кхмерская кухня недооценена.

Саша ел молча, но было видно, что он наслаждается. Даже он, блюститель протоколов, признал, что это лучше, чем фастфуд в Москве.

После обеда они вышли на главную улицу, где уже зажигались вечерние огни. Набережная превратилась в бурлящий поток - туристы, местные, музыканты, танцоры. Где-то играла живая музыка - группа на барабанах и струнных инструментах исполняла народные мелодии.

- А вот и бар «У дяди Вани», - сказал Сованн, указывая на двухэтажное здание с яркой вывеской. - Здесь собираются русские, которые живут в Пномпене. Хотите заглянуть?

- Русские? - переспросила Алиса. - В Пномпене? Есть такие?

- Да, - засмеялся Сованн. - Их немного, но они есть. Один из них - Дима. Он здесь уже двадцать лет. У него свой бизнес, он говорит по-кхмерски как местный. Вы должны с ним

познакомиться.

Они вошли в бар. Внутри было уютно - деревянные столы, тусклый свет, на стенах висели фотографии старого Пномпеня. За стойкой стоял коренастый мужчина лет пятидесяти с проседью в бороде, в футболке с надписью «СССР».

- Это дядя Ваня, - представил Сованн. - Ваня, к тебе гости из России!

Дядя Ваня расплылся в улыбке:

- О, земляки! Редкие гости. Проходите, садитесь. Чай будете? Или что покрепче?

- Чай, - дружно ответила команда.

Они сели за большой стол, и дядя Ваня принёс чайник с травяным чаем, а также тарелку с пельменями - ручной работы, с мясом и луком.

- У меня тут русская кухня, - сказал он. - Пельмени, щи, блины. Местные любят. А вы как в Камбоджу попали?

Анна рассказала о проекте, о съёмках, о музее и о русском рынке. Дядя Ваня слушал внимательно, кивал, иногда поправлял:

- Туол Сленг - да, тяжело. Я там был один раз, больше не хожу. Но это надо видеть. Чтобы не забывать.

- А вы сами как здесь оказались? - спросил Артём.

- Длинная история, - махнул рукой Ваня. - Я приехал в девяносто третьем, когда в России было нечего делать. Здесь тогда тоже было не очень, но было проще. Открыл сначала ларёк, потом кафе, потом этот бар. Женился на кхмерке, де-

ти родились. В общем, пустил корни.

- А двойное гражданство у вас есть? - тут же спросил Саша, забыв о запрете на записи.

Ваня улыбнулся:

- Есть. Сначала долго оформлял, но сделал. Теперь я и русский, и камбоджиец. Хорошо быть двумя сразу, особенно когда законы меняются.

Саша, несмотря на запрет, достал блокнот и быстро записал пару тезисов. Алиса вздохнула, но не стала отбирать - она знала, что победить Сашу в этом невозможно.

В этот момент в бар вошёл высокий мужчина с ярко-рыжими усами и в клетчатой рубашке. Он сразу заметил компанию и, услышав русскую речь, подошёл.

- О, русские! - воскликнул он. - Привет! Я Дима. Слышал, вы тут исследуете Камбоджу?

- Да, - ответила Анна. - Мы снимаем фильм.

- Фильм? Отлично! Я в кино, кстати, снимался, - Дима засмеялся. - В одной местной комедии играл торговца оружием. Но это было давно. Сейчас я в логистике. Вожу грузы по всей стране.

Он сел за стол, заказал себе виски, а команде - ещё чаю.

- У меня три брака, два бизнеса и одна тюрьма, - сказал он, и это прозвучало как козырная карта. - Хотите послушать?

- Конечно, - сказал Артём, откидываясь на спинку стула.

И Дима начал рассказывать. Он приехал в Камбоджу в начале двухтысячных, по контракту, как инженер. Потом кон-

тракт кончился, а он остался. Открыл небольшую фирму по поставкам риса, но однажды его груз остановила полиция - документы оказались не в порядке.

- Рис, - сказал Дима, делая глоток виски. - В Камбодже рис - это не просто еда. Это валюта. За рис могут и посадить, и выпустить. Меня посадили на шесть месяцев условно, но штраф был огромный. Я выплатил, но бизнес потерял.

- А теперь? - спросила Алиса.

- Теперь я занимаюсь доставкой стройматериалов. И у меня есть лодка, мотор и связи в полиции, - он подмигнул. - В Камбодже без связей никуда.

Саша, который уже забыл о запрете, записывал каждое слово в блокнот. Алиса на этот раз даже не пыталась его остановить - ей самой было интересно.

Дима рассказал ещё о своих трёх браках - с кхмеркой, с тайкой и с русской, которая приехала к нему из Новосибирска, но уехала обратно.

- Женщины везде одинаковые, - философски заметил он. - Но кхмерские - самые терпеливые. Я со своей нынешней живу десять лет, и ни разу не пожалел.

Он показал фотографию в телефоне - смуглую улыбающуюся женщину с длинными волосами и двумя детьми.

- Красивая, - сказала Алиса. - Вы счастливы?

- Да, - ответил Дима без колебаний. - Я счастлив. Здесь, в Камбодже, я нашёл то, что искал. Спокойствие. Ну, почти спокойствие. Бывает всякое, но это жизнь.

Дядя Ваня принёс гитару и попросил Диму спеть. Дима взял гитару, перебрал струны и запел «Мурку» - но на кхмерском языке. Он сам перевёл слова много лет назад, и теперь местные считали эту песню народной.

Алиса хохотала, Артём подпевал, Анна снимала. Сованн сидел с бокалом сока и улыбался, а дядя Ваня подыгрывал на ложках. Это было так по-домашнему, так тепло, что казалось, они знают друг друга много лет.

После «Мурки» Дима исполнил ещё пару песен - уже русских, под аккордеон, который нашёлся за стойкой. Потом все танцевали - и команда, и местные посетители, и сам дядя Ваня, который оказался отличным танцором.

- Это лучшее, что случилось с нами в Камбодже, - сказала Анна, запыхавшись. - Честно.

- А как же Ангкор? - спросил Сованн.

- Ангкор будет завтра. А сегодня - мы здесь, и это настоящее.

В час ночи команда засобиралась обратно в отель. Дядя Ваня обнял каждого:

- Приходите ещё. Русские в Пномпене - редкость. А такие, как вы - вообще на вес золота.

Дима, который уже немного захмелел (он пил виски, команда - только чай), сказал на прощание:

- Ребята, вы хорошие. Если что - звоните. У меня есть лодка, мотор и связи в полиции.

- Связи в полиции? - оживился Саша. - Это может приго-

диться.

- Саша, не планируй заранее! - одёрнула его Алиса. - Мы просто гуляем!

- Я не планирую, - ответил Саша. - Я страхуюсь.

Дима дал им свой номер телефона - нацарапал на салфетке. Саша аккуратно убрал салфетку в блокнот и записал: «Дима: контакт. Лодка, мотор, связи в полиции. Ресурс: ценный».

Обратно они шли пешком. Набережная уже опустела, только редкие парочки сидели на парапетах, да уличные фонари отражались в Меконге. Алиса шла, держа Сашу за руку, и чувствовала, как тёплая ночь окутывает их.

- Знаете, - сказала Анна, - сегодня был один из тех дней, которые не запланируешь. Мы просто вышли гулять, а нашли пельмени, лягушек, караоке и новых друзей. Это и есть Камбоджа.

- Это и есть жизнь, - поправила Алиса. - Не по плану.

- Я записал, - сказал Саша, доставая блокнот. - «Жизнь - не по плану». Пункт шестой протокола. С пометкой «важно».

Алиса рассмеялась и взяла у него блокнот, чтобы прочитать, что он там написал.

В отеле их встретила Срей Мао. Она, как всегда, улыбалась:

- Хорошо погуляли? Я вижу, вы довольны.

- Очень, - ответила Анна.

Сократ Младший, который перебрался со стены на штору, пошевелил хвостом - то ли приветствуя, то ли просто меняя позу. Алиса погладила его пальцем:

- Ты бы тоже поел лягушек. Они вкусные.

Геккон моргнул и, кажется, не поверил.

Перед сном Алиса и Анна сидели на балконе. Меконг тёк чёрной лентой, и где-то далеко, в баре «У дяди Вани», наверное, ещё горел свет.

- Что дальше? - спросила Алиса.

- Завтра - Ват Пном, - ответила Анна. - Храм на холме. А потом - школа апсары, остров шёлка, Ангкор... У нас впереди целая страна.

- Я боюсь, что это закончится, - призналась Алиса.

- Всё когда-то заканчивается. Но мы запомним. У нас есть кадры, блокноты, воспоминания. И у нас есть мы.

Алиса улыбнулась. Сократ Младший на шторе тихо пискнул - видимо, поймал комара. Ночь была тёплой, звёзды - яркими, и завтра обещало быть хорошим днём, полным новых открытий.

А команда уже начала понимать: Камбоджа - это не только храмы и музеи. Камбоджа - это люди. Их истории, их улыбки, их еда и их песни. И именно это они хотели показать в своём фильме.

ДЕНЬ 8. Ват Пном: храм на холме и проклятие духа реки Понги

Солнце вставало над Пномпенем, заливая золотом крыши домов и шпили пагод. За завтраком Анна развернула путеводитель и зачитала вслух: - Ват Пном. Главный храм Пномпеня. Построен в 1372 году на искусственном холме высотой 27 метров. Легенда гласит, что богатая вдова по имени Пень нашла в Меконге четыре статуи Будды и построила для них храм. От её имени и пошло название города: Пномпень - «холм Пень».

- Значит, город основала женщина? - уточнила Алиса, намазывая тост джемом. - Это прекрасно.

- Да. И ещё там живёт дух реки Понги. Он капризный. Если его разозлить, может случиться наводнение или ещё какая-нибудь неприятность. Местные до сих пор приносят ему подношения.

Саша отложил ложку и открыл блокнот: - Дух реки. Имя: Понги. Характер: капризный. Требуется подношений. Юридический статус: не определён. Риск: потенциальный. Я подготовлю протокол. Пункт первый: не злить духа. Пункт второй: при необходимости - совершить подношение. Пункт третий: задокументировать результат.

- Ты будешь задабривать духа реки по протоколу?! - изумился Артём.

- Да. Это разумная предосторожность. Если дух существует - мы его задобрим. Если нет - мы ничего не теряем. Это беспроегрышная стратегия.

Анна сняла этот диалог и сказала в камеру: «День вось-

мой. Мы едем в Ват Пном. У Саши - протокол по задабриванию духа реки. Поехали».

Ват Пном стоял на вершине холма, и к нему вела широкая лестница, украшенная каменными нагами - многоголовыми змеями с разинутыми пастьями. Вдоль ступеней росли старые деревья, увитые лианами, а в ветвях прыгали обезьяны. Алиса, увидев их, инстинктивно прижала сумку к груди: «Опять обезьяны! После Monkey Hill у меня рефлекс».

- Это макаки-крабоеды, - успокоил Артём, сверяясь с нейросетью. - Менее агрессивны, чем тайские. Но всё равно - не кормить, не смотреть в глаза, не улыбаться.

- Я помню, - мрачно ответила Алиса. - Паспорт, пять бананов, фыркanye жоака. Такое не забывается.

Они начали подъём. Саша считал ступени (их оказалось 84), Анна снимала нагов и обезьян, Артём фотографировал для нейросети. Алиса шла в центре группы, подальше от деревьев. На вершине их встретила ступа - высокая, коническая, украшенная золотыми орнаментами. За ней виднелась пагода с красной крышей и статуи Будды, сидящие в нишах.

Внутри пагоды было прохладно и сумрачно. Пахло благовониями, горели свечи, и у алтаря стояли подношения - цветы, рис, фрукты, бутылки с водой. Анна снимала осторожно, без вспышки. Саша изучал таблички с правилами поведения и записывал в блокнот: «Правила храма - стандартные: снимать обувь, не указывать пальцем, не сидеть ногами к Будде. Соблюдаем».

Алиса замерла перед золотой статуей Будды. «Он такой... спокойный, - прошептала она. - Я хочу загадать желание». Она купила у служителя лотос и благовонные палочки, зажгла их и, закрыв глаза, что-то прошептала. Артём тихо спросил у Саши: «Как думаешь, что она загадала?» «Вероятно, чтобы обезьяны больше не воровали паспорта», - ответил Саша. «Или чтобы мы не попадали в полицейские участки», - добавил Артём.

У выхода из пагоды их встретил монах - пожилой, в оранжевом одеянии, с чётками в руках. Он улыбнулся Алисе и сказал по-английски: «Ты загадала желание? Будда услышал. Но будь осторожна с духом реки. Он капризный».

- Вы тоже знаете про Понги? - спросила Алиса.

- Все знают. Он живёт в Меконге. Когда он сердится - вода поднимается. Когда он доволен - рыбаки возвращаются с уловом. Задобрить его просто: бросьте в реку лотос и монетку.

- А если не бросать? - уточнил Саша.

- Тогда он может обидеться. А обиженный дух реки - это... неприятно.

Саша записал в блокнот: «Монах - рекомендация: бросить лотос и монетку. Риск при невыполнении: неприятности». Монах протянул Алисе амулет - маленький мешочек на верёвочке. «Здесь земля с холма Пень. Она защищает от злых духов. Носи с собой». Алиса надела амулет и поклонилась. Саша записал: «Амулет - земля с холма. Защита: от злых ду-

хов. Эффективность: будет проверена».

Когда они вышли из храма, на ступенях их ждала обезьяна. Она сидела, чесала бок и смотрела на команду с выражением, которое можно было описать только как «ну, и чего вы там купили?» Алиса замерла. Артём медленно поднял телефон.

- Это он? - прошептала Алиса. - Бандит? Из Таиланда?

- Бандит был на Пхукете, - ответил Саша. - Это другой.

Возможно, его камбоджийский кузен. Внешнее сходство - 78%. Поведение - схожее.

Обезьяна, не дождавшись еды, фыркнула и бросила в Артёма банановой кожурой. Артём успел увернуться. Обезьяна потеряла интерес и ушла. Саша записал в блокнот: «Обезьяны Камбоджи - агрессивнее тайских. Метательное оружие: банановая кожура. Уровень угрозы: низкий, но неприятный».

После храма команда спустилась к реке. Анна купила у уличного торговца четыре лотоса. Алиса - монетки. Саша проверил монетки на подлинность и выбрал самые блестящие. Артём взял лотос и сказал: «Я брошу строчку кода. Вдруг дух реки - программист?» Саша не оценил шутку, но промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.